

Анри Юз

ВУЖДАЮЩЕГО ТОКИ

designer

ЗАТЕРЯННАЯ НА ЗЕМЛЕ

18+

Анри Юз

**Блуждающие токи.
Затерянная на Земле**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юз А.

Блуждающие токи. Затерянная на Земле / А. Юз — «ЛитРес: Самиздат», 2020

После расследования загадочного происшествия на прием к психиатру доктору Стурлссону попадает странная пациентка, которая утверждает, что в своих снах получает сигналы от высокоинтеллектуальных внеземных существ. Роза Ротенгоф красивая, умная и хладнокровная. Мать побаивается своей дочери, а отношения девушки с отцом натянуты, но, может быть, потому, что они слишком близки? Роза жаждет узнать тайну своей миссии на Земле. Ради этой цели она готова преступить все моральные ценности. Роза, словно зная все наперед, с едкой улыбкой смотрит на человечество. Кто она: сумасшедшая или посланница иных цивилизаций?

© Юз А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Электромагнитный отклик атомных ядер	5
48 км вниз к озеру Лауэрц-Зе	20
Притяжение частиц	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анри Юз

Блуждающие токи. Затерянная на Земле

Электромагнитный отклик атомных ядер

— Каждое лето я плакала, что родилась на Земле... — после продолжительных, но оставленных без ответа вопросов доктора Стурлссона проронила длинноволосая девушка, замерев в кресле неподвижно.

Её веки были прикрыты, а глаза целились в пустоту сквозь силуэт недовольного врача, которого порядком начала раздражать его недостаточная компетенция в данной ситуации.

Прежде чем зацепиться за ниточку, ведущую лишь к намекам на разгадки тайн сознания его пациентки, Корнелий Стурлссон окинул внимательным взглядом её фигуру.

С самого начала сеанса девушка не поменяла позы, ни разу не переложила ногу на ногу, не потербила нервозно рукава, не поправила невпопад заправленную в джинсы и, очевидно, не принадлежащую ей большую синюю рубашку, не перекинула на спину распущенные волосы цвета шоколада. Она в упор смотрела на врача, когда он задавал ей вопросы, но так, будто он сам должен был на них ответить. Мир вокруг был безразличен ей настолько, что не заслуживал по большей части концентрации внимания девушки. Ей было всё равно, что было до того, как она пришла в этот кабинет, что происходит сейчас, и что будет, когда она захлопнет дверь с другой стороны. Корнелию она казалась одновременно и совершенно здоровой, находящейся в ясном уме, но и в то же время непостижимо больной, неспособной к осознанию реального мира. Но порой у него складывалось впечатление, будто она знает всё наперед и молчит, не считая нужным делиться этими сверхценными знаниями с глупыми окружающими. Поэтому доктор Стурлссон каждую секунду сомневался в её предположительном диагнозе.

— Почему только летом? — Корнелий задал простой, но правильный вопрос, располагающий к дальнейшей беседе.

Пациентка ухмыльнулась одними глазами, но желание пояснить свое многозначительное высказывание взяло верх:

— Лишь летом, далеко от огней ночного Цюриха ничто не мешает мне созерцать всеобъемлющее пространство непостижимого космоса, — девушка мечтательно, как показалось Корнелию, устремила свой взгляд в окно прочь из ограниченной коробки его кабинета, — и, когда я смотрю на бесчисленное мерцание массивных газовых шаров среди абсолютной тьмы, я понимаю: эти звезды так недостижимо далеки, так неизведанны, непонятны, и бесконечность миллиардов миров смотрит с неба на меня, затерянную до конца незаметной человеческой жизни на этой планете, в этом теле. Я никогда не смогу достичь могущества небесных тел, раствориться в бессмертном бытии вселенной. Осознание этого заставляет содрогаться мою душу в неизмеримом страдании и отчаянии...

На мгновение Корнелий замер, тоже задумавшись о непостижимом. Мужчина подпер кулаком седую аккуратно выстриженную бороду и обреченно уставился в окно вслед за взглядом своей пациентки.

Врач вспомнил о своей работе и немедленно продолжил беседу:

— Роза, — он обратился к девушке, сознание которой давно покинуло его тесное пристанище, — понимаю, что всё это очень грустно, но как это объясняет то, что сделала ты?

Роза немедленно вернулась в кабинет. Она сначала так округлила глаза, будто не понимала, о чем идет речь, и выглядела крайне удивленной, но затем так подозрительно прищурилась, словно её врач — глупец и не понимает очевидного.

— Это объясняет всё, — заключила она, расслаблено откинувшись на спинку стула.

– Роза, если ты не будешь помогать мне, я не смогу избавить тебя от не слишком увлекательного уикенда на неопределенный срок в Кюснахт Практис¹, — Корнелий нахмурился, напомнив своей пациентке о причине встречи в его кабинете.

– Мой отец не позволит меня упрятать в психиатрическую больницу, он заплатит сколько надо и им и вам, чтобы только отвязаться от всей этой ситуации. С меня уже сняли уголовную ответственность по причине невменяемости. Остались только вы.

– Твой отец платит мне, чтобы я объяснил им всем, что у тебя происходит в голове, и, если ты не будешь сотрудничать, я не смогу тебе помочь.

– Вы хотите, чтобы я рассказала? — девушка вновь выпрямилась и серьезно взглянула на врача, но, не дожидаясь ответа, продолжила, — все сумасшедшие говорят, что они не сумасшедшие, поэтому в данной ситуации не буду утверждать аналогичный тезис, но всё, что я расскажу, в любом случае покажется вам бредом больного сознания, так почему бы вам просто не придумать что-нибудь самому?

Корнелий снял очки, и уже не надеясь на успех в своей работе, ответил:

– Я хочу тебе помочь, Роза.

– Вы хотите помочь не мне, а всем этим экспертам, которые жаждут нарисовать какую-нибудь красочную болезнь в моей медицинской карточке и отправить меня на принудительное лечение куда подальше... — Роза покачала головой, нахмурилась и устремила взор к потолку, — А мне помогут. Но не вы.

– Кто? Бог? Ангелы? — Корнелий встрепнулся, судорожно перебирая в голове различные небесные образы.

– Ну что вы, доктор Стурлссон! — Роза сморщила нос в укоризне, — ну как с вами работать!

– Кто тогда? Инопланетяне? — доктор непонимающе предположил.

– Это вы инопланетяне, — девушка откровенно насмеялась над ним, — а они... Даже не знаю... Они ни на что не похожи...

Роза задумчиво посмотрела вверх:

– Никогда не думала над их названием... Они как... блуждающие токи... Эти явления не слишком похожи, но звучит подходяще...

– Что ещё за блуждающие токи? — Корнелий решил, что ему удалось найти истоки реки беседы, и развесил уши.

– Слишком много вопросов на сегодня, я устала, — Роза раздраженно нахмурилась, вскинула руки, так стремительно поднялась с места и вышла из кабинета, что Корнелий не успел ничего возразить.

С подавленным достоинством он поправил свой бордовый жилет, угрюмо ожидая то ли просунувшегося беспокойного ромба лица матери, которая соизволит осведомиться о завершении беседы с её дочерью, то ли отца с усталыми глазами, который потрясет над Корнелием своим кошельком, умоляя взять его дочь на амбулаторное лечение. Пока доктор Стурлссон был предоставлен сам себе, он успел принять соответствующее решение по вопросу последнего.

Лидия торопливо, но бесшумно металась прямо у самой двери кабинета, силясь приподнять покрывало врачебной тайны, в то время как Роза стремительно воспрепятствовала её затее, выскользнув из кабинета и чуть не сбив мать на ходу.

– Ах, Роза! — схватившись за сердце, Лидия испуганно отлетела в сторону, желая сымитировать припадок.

Роза недоверчиво оглядела женщину, жалостливо прислонившуюся к стене, и сказала:

¹ Кюснахт Практис (Kusnacht Practice) — частная шестизвездочная психиатрическая клиника, расположенная в тихом швейцарском городе Кюснахт, на "Золотом берегу" Цюриха.

– Тебе же сказали ждать в холле.

– Ох, Роза, я не могла ждать! — Лидия продолжала выкатывать круглые глаза из запавших глазниц, она болезненно зажмурилась, а затем тревожно посмотрела в конец коридора, — сейчас отец подойдет, и мы решим всё.

«Мы решим», — означало у Лидии, что муж всё решит, а ей останется только ещё немного поохать. Свою приверженность решению суда Лидия усердно скрывала в глубине сознания. Не могла же она упрятать свою дочь в психиатрическую лечебницу, в самом деле! Она что, плохая мать? И взгляд её дочери, прислонившейся к противоположной стене, вовсе не был полон холодного, устрашающего пренебрежения.

В конце коридора появилось облегчение напряженному уединению Розы и Лидии. Из тьмы появилась фигура высокого мужчины, облаченного в черный костюм, элегантный дизайн которого вел свою родословную с берегов Туманного Альбиона. Зауженный покрой жилета и пиджака подчеркивали мужественный и стройный силуэт их обладателя. В свете флуоресцентных ламп его приглаженные гелем темные волосы слегка поблескивали серебром. Закругленные таинственно темные стекла авиаторов с металлической оправой скрывали скалистый рельеф лица и завершали весь строгий образ пришедшего. Мужчина снял очки только за секунду до взволнованного вскрика своей жены.

— Эдуард! — всплеснула руками Лидия, — ну наконец-то! Они уже закончили.

– Да я вижу, — скептически ответил Эдуард, убирая очки в нагрудный карман и оглядывая силуэт Розы, чье лицо не выражало ничего знаменательного.

Девушка почувствовала на себе взгляд отца и одними глазами, подняв их на него из-за полупущенных век, поздоровалась с ним. Эдуард ответил ей неторопливым морганием и, следуя выпирающим его из коридора руками жены, скрылся в кабинете доктора Стурлссона.

– Здравствуйте, господин Ротенгоф, — заскучавший без дела Корнелий повернулся на крутящемся стуле в сторону посетителя.

– Здравствуйте, Корнелий, — сдержанно ответил Эдуард и подошел ближе к креслу для пациентов, однако садиться не спешил.

Доктор Стурлссон величественно разложил руки на столе и втянул весь оставшийся воздух его душного кабинета, готовясь начать переговоры.

ого кабинета, готовясь начать переговоры.

– Вы понимаете, что брать такую пациентку, как Роза, на амбулаторное лечение это большая ответственность для врача? — Корнелий с уверенной тревогой постучал пальцами по столу, — я бы настоятельно рекомендовал поместить её в стационар и надолго.

– Я понимаю, Корнелий, — опираясь на спинку кресла локтями, Эдуард потерял глаза на полу, — но как это отразится на моей кампании? Мне и так дорого обошелся этот скандал... — мужчина снова взглянул на врача, а брови в тяжелом размышлении сошлись на переносице, — она ведь моя дочь...

– Да, конечно, Эдуард, но она представляет опасность для себя и окружающих, и... она не хочет сотрудничать! За полтора часа мне удалось выгнать из неё только отвлеченные размышления про вселенную и про какие-то блуждающие токи, — Корнелий сделал паузу и разувверяюще заключил, — я не думаю, что это поможет лечению.

– Я видел её в тот день, — Эдуард с тревогой отвел взгляд в окно, — и я не знаю, что это было... Я не знаю, кому верить... Её взгляд был такой ясный... Она говорила со мной, будто все так, как обычно... Как должно быть...

Леденящая истерика начала подступать к могучей стене сдержанности мужчины. Он запустил руки в волосы, неминуемо портя укладку, которая в легком суматошном вихре падала на бритые виски и затылок темными, едва достающими до кончиков ушей волосами.

– Да, Роза связно и спокойно рассуждает, не бьется в истерике, у неё нет панических атак, но она делает странные вещи. Да, она всецело понимала это, но ни разу не усомнилась в своем поступке. Какая у неё была цель? — Стурлссон развел руками, риторически вопрошая господина Ротенгофа.

– А вы думаете, что в Кюнснахт Практис это непременно выяснят? — Эдуард раздраженно обратился к Корнелию, — да её просто накачают таблетками, и она будет слоняться, как овощ, по коридору.

– Вы зря так, господин Ротенгоф, В Кюнснахте престижная клиника, каждому пациенту предоставляются на выбор большое число шикарных резиденций с личным терапевтом. У Розы будут персональный шеф-повар, горничная, дворецкий и водитель. Она даже сможет кататься на лыжах и играть в гольф!

Такой ответ, однако, не удовлетворил Эдуарда.

– Я хочу, чтобы у моей дочери была нормальная жизнь, чтобы она была счастлива, — продолжал он, растерянно присаживаясь на кресло, — только вы можете помочь ей и нам всем. Я доверяю вам.

– Господин Ротенгоф, если бы мы не были хорошими знакомыми, я бы просто содрал с вас кучу денег и назначил бы ей побольше нейролептиков, но едва ли она сама страдает от своих навязчивых идей, — Корнелий откинулся на спинку своего крутящегося стула, задумчиво перебирая ногами и покачиваясь на нём.

– Сколько вы хотите? — услышав навевающий шепот надежды, Ротенгоф встрепенулся.

– Дело не в цене, Эдуард, она не хочет лечиться, а когда пациент сам не желает избавиться от своей болезни, любые таблетки бессильны, — доктор Стурлссон опустил глаза в угол и развел руками.

– Она тоже говорила со мной про вселенную и все это, — Эдуард нахмурился, вспоминая, — вы знаете, в её рассуждениях есть смысл, но все эти потоки энергии из глубин космоса, которые шлют ей неподдающиеся образному мышлению сигналы во сне... Это какой-то вздор...

– Сны? Вы сказали сны? — Корнелий чуть ли не подскочил на месте, услышав что-то относящееся к теме сновидений.

– Порой поутру она сама не своя вскакивает, мечется по комнате в поисках бумаги и ручки, но потом не может понять, что за нескладные словосочетания оставила в своих записках. Она раскладывает их на столе и подолгу смотрит на них, пытаясь установить логическую связь.

Корнелий как можно ближе подкатился на стуле к Эдуарду, с упоением внимая его рассказу. Не мог же он прохлопать ушами примечательный материал для своей научной работы о влиянии психических заболеваний на сновидения.

– Корнелий, я не знаю всего, — Эдуард покачал головой, — она всегда была странной, но мы с Лидией не думали, что все может так далеко зайти...

После некоторых задумчивых гримас и хмыканья Корнелий почесал седовласый покров своего подбородка и воодушевленно изрек:

– Хорошо, я займусь ею, но возьму с вас расписку, что вы отказались от помещения в клинику и согласны только на амбулаторное лечение. Вы сами, господин Ротенгоф, несете ответственность за её действия, — доктор Стурлссон довольно потер руки, заглянув в свою записную книжку, осведомляясь о своем расписании.

– О, Корнелий, я так благодарен вам, — Эдуард с надеждой ухватился за краешек стола.

– Я хоть и сейчас не бедствую, но от повышения жалования не откажусь, — легким намеком доктор Стурлссон мечтательно нарисовал на потолке свое новое пригородное имение со спутниковым телевидением.

– Разумеется, — уверенно кивнул Ротенгоф, — за время её лечения вы получите 500 тысяч франков сверху на личный счет.

– Семьсот пятьдесят, — прогнусавил Корнелий, поглядывая на Эдуарда поверх очков, прикидывая в уме стоимость порядочного участка, неподалеку от озера.

– Хорошо, восемьсот, по рукам, — довольно заключил Эдуард.

– Приятно иметь с вами дело, господин Ротенгоф, — Корнелий расплылся в довольной улыбке и полез в преисподнюю своего стола.

Он извлек оттуда какие-то тоненькие листочки и начал аккуратно выводить буквы приговаривая: «Лечащий врач-психиатр — Корнелий Стурлссон, пациент — Роза Ротенгоф, пол — женский, возраст — двадцать лет, рекомендуемые обследования — МРТ головного мозга, скрининг на наркотические вещества, биохимический анализ крови...»

Стурлссон закончил и серьезно посмотрел на Эдуарда, — пугать, конечно, вас не хочется, но иногда причиной психических расстройств могут быть серьезные соматические заболевания, поэтому назначаю Розе пройти магнитно-резонансную томографию, чтобы исключить органические повреждения, кардиограмму, а также клинический, биохимический анализ крови и анализ на гормоны, все параметры будут указаны в направлении.

Эдуард тревожно и понимающе кивал головой в ответ.

– С результатами анализов прийти ко мне, когда мы исключим все физические причины её состояния, я назначу дальнейшее лечение. И поговорите с вашей дочерью, если она сама не захочет выздороветь, я не смогу ей помочь, вы поняли меня, господин Ротенгоф?

Эдуард снова кивнул, взял у Корнелия листок с затейливой подписью и печатью, наклеенной поверх всего настроенного искусства необычно аккуратного врачебного почерка, и поднялся с кресла.

– Хорошо, — Корнелий проводил его движущуюся к двери фигуру, — договор об оказании медицинских услуг возьмите в регистратуре.

Пальцы Розы проворно проскользнули под футболку между лопаток и так быстро расправились с металлическими крючками бюстгальтера, что данный предмет гардероба уже стремительно летел в сторону Эдуарда, в смущении еле поспевающего его ловить. Мужчине удалось поймать его за бретельку и в растерянности спрятать в недра своего пиджака.

– Это все металлические предметы, что у вас были? — поинтересовалась женщина, на медицинском халате которой значилась табличка «доктор Линдхнет», проводя Розу к пугающему клаустрофобов аппарату.

Девушка кивнула.

– Хорошо, возьмите, — доктор Линдхнет скрутила две беруши в трубочки и протянула их Розе. Та засунула их в уши и, с осторожностью оглядевшись, заняла соответствующую позицию на выдвигающемся ложе томографа, как ей объясняла женщина. Эдуард неуверенно мялся рядом, с интересом и тревогой наблюдая за действиями врача, которая пристегивала его дочь ремнями и надевала ей на голову подозрительный щит с отверстиями для фиксации.

– Я могу постоять тут во время процедуры? — наконец спросил он.

– Если на вас нет металлических предметов, — Линдхнет покосилась на мужчину.

– Хорошо, тогда я выложу их в коридоре, — Эдуард поспешно удалился, и, быстро избавившись от всего металлического и, с некоторым сомнением стянув с себя ремень, вернулся обратно.

Тем временем Линдхнет уже воткнула Розе в вену катетер, чтобы вводить контрастное вещество, в другую руку дала сигнальную грушу, чтобы в случае необходимости позвать врачей.

– Процедура будет длиться сорок минут, и наденьте наушники, — сказала врач господину Ротенгофу и, нажав на кнопку, отправила обездвиженное тело Розы в зловещий светящийся туннель. Эдуард нервно сжал челюсти, он был единственным в этой комнате, кто боялся

замкнутых пространств. И хотя туда отправляли вовсе не его, мужчина нервничал сильнее самой пациентки.

Неужели у Розы, его юной прекрасной девочки, может быть опухоль мозга? Всеми своими пропитанными золотом костями он ощущал полную беспомощность перед лицом болезни. Ничто не спасёт от смерти. Деньги лишь способны продлить человеку тягостное созерцание неминуемо исчезающего из восприятия мира, но не спасти его навсегда. Эдуард, как и все богачи со своими несметными накоплениями, думал о смерти. Сколько бы он ни имел сейчас, сколько бы он ни заработал, какого величия ни достиг, однажды он потеряет всё. Но большее всего ему было терять его Розу. Эдуард был готов отдать все деньги мира, чтобы не потерять её никогда. Но хрупкая жизнь и уязвимое сознание дочери вот-вот посыплются песчинками сквозь его ладони в отсутствующее продолжение жизни.

Эдуард подтянул сползающие без ремня штаны и положил трясущуюся ладонь чуть выше колена Розы, которое было границей её погружения в узкое пространство томографа. Эдуарду, не слишком щедрым на проявления своих чувств тактильным образом, это показалось в данной ситуации уместным. Девушка вздрогнула от тепла его руки, и аккуратно, чтобы не задеть катетер, положила свою холодную ладонь сверху. В это мгновение аппарат заработал и напугал обоих жуткими звуками. Роза вздрогнула и сжала руку отца.

Ритмичные гудяще-стучащие стоны томографа нагнетали глубинный ужас. Иногда они затихали, но только лишь чтобы смениться на ещё более зловещий монотонный грохот, который окутывал собой не только лежащую в недрах аппарата пациентку, но и весь кабинет. Представляющие собой звуковое сопровождение процедуры сигналы тревоги, скрип двери, тиканье часов и музицирование шамана на варгане поочередно сменяли друг друга. Роза, видимо, привыкла к этому звуковому неистовству и разжала руку Эдуарда, на коже которой остались вмятины от ногтей. Но мужчина не пошевелился, словно его рука была регистратором психологического состояния посетителя туннеля, и он боялся нарушить связь с ним.

Вскоре адская трескотня прекратилась и в кабинет молча вошла Линдхнет. Эдуард облегченно вздохнул, подумав, что экзекуция его дочери окончена, но не тут то было. Не вынимая Розу из томографа, врач ввела ей в вену через трубку катетера контрастное вещество.

– Как ты себя чувствуешь, Роза? — спросила она, заглядывая в туннель.

Роза что-то тихо, но утвердительно промычала. Линдхнет хотела поинтересоваться состоянием рядом стоящей бледной тени в костюме, но по застывшему напряжению лица мужчины она безмолвно выяснила ответ и удалилась из кабинета, снова оставив Эдуарда и его дочь наедине с магнитными полями и душераздирающим грохотом.

Он стоял неподвижно в бесконечном забвении. Всё вокруг оставалось неизменным, кроме стучащих стенок аппарата. Но неожиданно тело Розы начало шевелиться. Эдуард резко перевел взгляд из задумчивой пустоты стены на её черные леггинсы, и в первое мгновение ему показалось, будто не сама Роза является инициатором этих движений, но её кожа, органы, части тела медленно стали стремиться по направлению туннеля, и чем ближе к нему, тем явнее прослеживалось движение.

«Этот абсурд!» — первое, что пришло на ум мужчины, когда он увидел происходящее.

Но решив, что это иллюзия, подкинутаая невпопад его нервной системой, Эдуард зажмурил глаза для прояснения зрения и ума, но в эту секунду нога Розы дернулась с такой силой, что если бы она была не пристегнута ремнями, то наверняка ударила бы моргающего Эдуарда в лицо.

– Господи, Роза, что с тобой? Что случилось? — мужчина вздрогнул и бросился к дочери.

Но Роза не издавала ни звука. Она лишь всем телом заерзала на столе, пытаясь просунуть руки внутрь трубы. Сжав один раз сигнальную грушу, она выпустила её из руки, а другую с катетером, нещадно сгибала, словно не чувствуя иглы, которая раздирала ей вену изнутри.

Кровь полилась на одежду и на пол, но Роза не успокоилась. Словно обезумевшая она затряслась всем телом, но всё же просунула руки под томограф.

Обрызганный её кровью, Эдуард в ужасе метался, пытаясь заглянуть внутрь аппарата, чтобы понять, что за чертовщина творится с его дочерью, зовя на помощь врача:

– Скорее! Скорее! Ей плохо! Выключите аппарат, выключите!

Томограф затих, и в кабинет вбежала перепуганная Линдхнет. Она оттащила Эдуарда от дочери, заглянула внутрь трубы и нажала на кнопку. Стол с Розой неспешно выкатился на свет. К тому времени, когда показалось лицо несчастной пациентки, она уже более-менее успокоилась, однако сквозь фиксирующую панель всё ещё просматривался испуганный взгляд. Девушка задыхалась, будто только что пробежала километр на время.

– Что случилось, Роза? — врач торопливо сняла панель, давая лежащей больше кислорода.

Когда она поняла, что самое страшное позади, то принялась её успокаивать:

– Всё хорошо, Роза, процедура закончена, всё в порядке, — а затем обратилась к Эдуарду, — господин Ротенгоф, у неё ранее бывали приступы клаустрофобии? Панические атаки?

– Нет, никогда не замечали, — растерянно ответил мужчина, — она даже, можно сказать, любила всякие замкнутые темные пространства.

– Там как в космосе... — до Эдуарда и Линдхнет донесся еле слышный шепот. Они посмотрели на Розу.

Девушка спокойно лежала на выдвижном столе, уставившись в потолок, будто ничего и не произошло, не заметив, как из вены выскользнул катетер и упал на пол.

Врач охнула и бросилась скорее обрабатывать рану. Линдхнет тщательно вытерла кровь с руки девушки, оставшись в совершенном неразумении, как венозное кровотечение могло так просто остановиться. Она ещё немного потеряла проспиртованной салфеткой, так и не найдя входное отверстие иглы на коже.

– Ничего не понимаю, — процедила Линдхнет сквозь зубы, скорее себе под нос, чем обращаясь к Эдуарду.

– Что с тобой произошло, Роза? — мужчина оперся кулаками на стол и, внушительно нависая над дочерью, с серьезностью заглянул в её отстраненный взгляд.

– Больше не води меня на томографию, — спокойно ответила она, внимательно вглядываясь в глаза отца.

– Конечно, нет, — он утешительно кивнул, — всё позади.

Эдуард мельком осмотрел тело дочери, чтобы успокоить подсознание, и заметил: все ногти на руках сломаны.

– Что такое? — он указал Розе на них.

– Я пыталась выбраться, — она вздохнула.

– Ох, Роза, — Эдуард собрал брови в гору страдания на лбу и отошел, давая ей возможность встать.

Линдхнет помогла ей вместе с её отцом медленно подняться.

– Роза, сейчас у тебя всё нормально? — врач внимательно посмотрела на девушку.

Та кивнула.

– Ты знаешь, что с тобой произошло?

Роза мотнула головой, не поднимая глаз на Линдхнет.

– Ладно, посидите пока с отцом в коридоре, мы быстро проведем диагностику, может с аппаратом что-то случилось, если нужна будет помощь, незамедлительно обращайтесь, — сказала врач и удалилась за стекло.

Линдхнет дождалась, пока последние сигналы пройдут цифровую обработку и преобразуются в изображения, и нетерпеливо открыла файлы. Она внимательно, но стремительно изучила снимки, сосредоточенно прищулив глаза под стеклами прямоугольных очков.

– Признаков костно-деструктивных изменений не выявлено, пещеристые синусы без особенностей, видимые отделы головного мозга не изменены...», — пробубнила она себе под нос, завершая просмотр, — так, пишем заключение... Убедительных МР-данных за наличие патологических изменений мозга не вы...

Последние несколько снимков заставили её умолкнуть и отшатнуться от экрана. С недоверием своему зрению Линдхнет сняла очки, активно поморгала и снова надела.

– Это что такое? — она обратилась ко второму радиологу, который желал уже скорее заняться систематизацией файлов на диске.

Мужчина неторопливо поднял взгляд от клавиатуры и повернулся на стуле в сторону настороженной коллеги. Приподняв брови и широко открыв усталые глаза, он тоже уставился на экран.

– Впервые такое вижу... — произнёс он озадаченным голосом, подъезжая на стуле поближе.

– Может это какой-то сбой? — неуверенно предположила Линдхнет.

– Это вполне могло бы оказаться сбоем, но последние фотографии со всех ракурсов? — радиолог внимательно начал щёлкать странные изображения на экране, и затем вдруг удивлённо воскликнул, — смотри, похоже, они взаимосвязаны друг с другом!

– Ты имеешь в виду, будто они отображают один процесс?

– Да.

– И как ты назовёшь эту мешанину? — Линдхнет скрестила руки на груди.

– Э-э, смещение атомов? — неуверенно предложил врач.

– Что? Да ты сам слышишь, как это бредово звучит? Это физически невозможно! — доктор Линдхнет недовольно вскинула руки, — ты хочешь сказать, что у пациентки нос на подбородке оказался?

– Но на фотографии именно так: нос на подбородке, а левый глаз около гипоталамуса. А на последней фотографии, органы вообще перестают различаться между собой. Однако общая форма тела практически не изменяется. Сама посмотри.

– Я не хочу смотреть на эту чушь, — Линдхнет сердито отвернулась от экрана, — я давно говорила пора этот аппарат отправить на диагностику.

– Так что делать с диагнозом? — осторожно поинтересовался коллега.

– Я почему знаю! — истерика закрипела в голосе женщины, и она снова вскинула руки, но в этот раз неловко задела пальцами свои очки и разнервничалась от этого ещё сильнее.

Она понимала, что ее реакция далека от профессионализма врача, но с таким проблемным случаем в своей непростой и эмоционально истощающей работе Линдхнет столкнулась впервые. Объективно, у неё даже не было возможности понять, кто виноват в этой неопределённой куче органического материала на экране, и что это вообще такое.

– Ладно, Линдхнет, успокойся, давай просто удалим эти снимки, — взглянул на неё мужчина поверх очков, — всего-то десять штук.

– Как это удалим? Что ты такое говоришь? — женщина поднесла к губам свой маникюр с дальнейшей целью тревожно раскромсать его зубами.

– Ну, в любом случае на всех нормальных снимках органических повреждений не выявлено, да и если внимательно всмотреться в эти сомнительные фотографии, то клетки опухолей все равно отсутствуют.

– Да как ты вообще понимаешь, что тут отсутствует?

– Успокойся и ты тоже увидишь.

– Не хочу я на это смотреть, Господи! – раздраженно ответила Линдхнет, но все же кинула осторожный взгляд на экран.

В течение нескольких минут она молча всматривалась в затейливые передвижения органов внутри тела Розы, а затем сказала:

– Я так не могу. Господин Ротенгоф влиятельный человек, и он не потерпит обмана работников здравоохранения.

– А что ты предлагаешь сказать ему? — мужчина презрительно прищурил один глаз и раскорячил руки локтями вверх, шлёпнув ладонями по столу, — господин Ротенгоф, у нас тут, понимаете, конфуз учинился с аппаратом, и полбашки вашей дочери в пюре на фотографиях превратились, но вы не переживайте, опухолей не обнаружено. Да на всю больницу в суд подадут!

Линдхнет вздрогнула от его голоса и поправила коллегу:

– Всего несколько фотографий испорчено. Девяносто пять процентов снимков мы сможем предоставить.

– Да кто вообще на эти фотографии смотрит, если ничего не обнаружено!

– А если её врач посмотрит?

– То он увидит, что её мозг как у нормального психически здорового человека.

Линдхнет не могла отрицать, что мозг Розы совершенно не имел претензий на какие-то отклонения. Она вздохнула и удалила десять фотографий из папки для пациентов, тихо сказав врачу:

– Ладно, я перекину снимки на диск, а ты пиши заключение и побыстрее, а то мы и так тут долго возимся.

Подхватив диск и заключение, Линдхнет неуверенно вышла из кабинета с понурым лицом. Эдуард, почуяв неладное, занервничал и вскочил со стула.

– Все в порядке, — выдохнула женщина, не поднимая глаз на него.

Мужчина зажмурился и с облегчением закрыл лицо руками, в то время как выражение лица Розы совершенно не изменилось, и она осталась сидеть в том же положении.

– Это чудесно! — спокойным голосом произнес Эдуард, а в его взгляде промелькнуло что-то счастливое.

– Вот заключение врача и снимки, — доктор Линдхнет нехотя протянула ему файл с бумагами и диском, а затем, делая шаг в сторону своего кабинета, сказала, — До свидания, не болейте.

– До свидания, доктор Линдхнет, спасибо вам, — оглянулся на врача Ротенгоф.

Сквозь дверную щель она притянула сомкнутые губы к носу в виде улыбки, и, кивая головой, скрылась.

Корнелий уверенно вытащил из стола свою очаровательную записную книгу, обтянутую настоящей кожей с множеством закладок расположенных в ему одному ведомом стройном порядке. Он неторопливо открыл её на одной из закладок, где значилось: «Р. Ротенгоф». Доктор Стурлссон взялся за чёрную ручку с тонким стержнем и с упоением принялся вычерчивать от руки прямоугольники. Когда прямоугольников было нарисовано, по его мнению, достаточно, Корнелий наконец отвлекся от столь занимательного дела и обратился к смотрящей на него со скрытым недоумением пациентке:

– Употребляете ли вы наркотические вещества?

Роза закатила глаза и мотнула головой.

«Неужели ты думаешь, все так просто, Корнелий?» — выражал её один скептически прищуренный глаз.

Корнелий не питал особых надежд насчёт этого варианта, однако записал в первый квадратик «наркотические вещества» и перечеркнул, разумеется, аккуратно.

Пока он выводил ровный до сердитости крест, Роза сказала:

– Зачем вы это спрашиваете у меня? У вас на столе все мои анализы, сами можете посмотреть.

– Ты права, но для меня важно знать, как считает сам пациент.

– Я считаю, что я не принимаю наркотические вещества, — Роза наигранно покачала головой из стороны в сторону, разясняя очевидные вещи копошащемуся в листках Корнелию.

Тот, не поднимая глаза из бумажной кучи, нахмурившись произнес:

– Недельный скрининг на наркотические вещества показывает отрицательный результат, клинический биохимический анализ крови отклонений не выявляет, инфекционных заболеваний не обнаружено, — Стурлссон продолжал вдумчиво скользит глазами из-под приспущенных очков по бумагам, а затем с сомнением прищурившись, пробубнил скорее себе, чем пациентке, — никогда я не видел такого соотношения веществ, словно высчитанное на калькуляторе!

Затем уже поднял удивленный взгляд на Розу, которая по-прежнему со скептицизмом косилась на него:

– Вас можно поздравить Роза! У вас на удивление самое оптимальное сочетание форменных элементов! — воскликнул доктор Стурлссон и снова опустил сосредоточенный прищур в результаты кардиограммы, — А сердце бьется размереннее метронома. Вам бы в космос полететь.

– Я в ожидании, — Корнелию могло показаться, что Роза снова острит, однако её слова были лишены всякого ехидства.

– Так-так-так, — Стурлссон, уже прочитав справки, но решив убедиться во всем сам, просматривал снимки МРТ на компьютере, — органических повреждений тоже не выявлено, — Корнелий занес ручку, чтобы добавить ещё одну заметку к перечеркнутым «инфекциям» и «аномалии в развитии головного мозга».

Он заполнил новый прямоугольник «Органические повреждения мозга» и перечеркнул его. Он задумчиво вздохнул, что казалось, опечален безнадежным крестом этого последнего прямоугольника соматических заболеваний, но Корнелий приободрял себя мыслью, что чем сложнее загадка, тем интереснее её разгадывать.

– Таким образом, мы имеем дело с твоим психическим здоровьем, Роза, и прогресс лечения во многом зависит от тебя, — перейдя на более личный тон сказал Корнелий, откладывая анализы, — расскажешь мне, Роза, про блуждающие токи? Про их послания? Да?

– Вы ещё не видели? — девушка вскинула брови и в замешательстве распрямилась.

– Не видел что?

– На снимках МРТ, по-вашему, все нормально? — она привстала на диване, словно обеспокоенность не давала сидеть на месте.

– Я не заметил ничего странного, у тебя все в норме, — Корнелий непонимающе зашелестел бумагами, — и врач написал, что патологий не обнаружено.

Роза не произнесла больше ни слова. Словно удар молнии, она подскочила к столу Стурлссона и на очень высокой для восприятия скорости несколькими точными кликами мышкой открыла все папки со своими снимками, просматривая их. Её серые блестящие глаза, тревожно внимая изображениям, носились из стороны в сторону, как мухи по комнате.

Доктор не успел ничего возразить, в то время как она исступленно щелкала фотографии. В недоумении девушка отшатнулась от компьютера, застывшего в напряженном изумлении Корнелия, и плюхнулась на диван. Она не увидела то, что искала.

– Что я должен был увидеть? — снова спросил доктор, возвращаясь в свое прежнее положение на крутящемся стуле.

— Снимков не хватает, — уверенно заключила Роза, — если бы эта противная Линдхнет предоставила бы вам все материалы, у вас бы уже не было ко мне вопросов.

— Так расскажи, что на тех фотографиях?

— Мои слова без доказательств обернутся против меня, вы сочтете меня сумасшедшей и будете слушать мои рассказы, вместо вечерних баек у костра.

— Неправда, Роза, я верю тебе, и если ты говоришь, что есть ещё снимки, значит, они есть. Я ни в коем случае не имею в виду, что ты сумасшедшая, ты очень умная и рассудительная девушка, я просто хочу помочь найти тебе гармонию в мире вместе с твоими токами и их головами, — Корнелий улыбнулся вызывающей доверие улыбкой, которой всегда потчевал своих настроенных пациентов, и записал в новый прямоугольник «наличие болезни отрицает».

Роза неподвижно лежала на выдвижном столе, ясно осознавая, что теперь люди от неё уже не отстанут. Готовая к неизвестному, девушка с интересом наблюдала за действиями доктора Линдхнет, которая пристегивала её ремнями и надевала на голову подозрительный щит с отверстиями для фиксации.

Роза чувствовала свою полную беспомощность перед лицом этих хитрых радиологов, хотя стоящая рядом тревожная фигура отца, внушала ей спокойствие. Она не боялась замкнутых пространств, и паника не входила в её планы, но тревога неизбежного разоблачения противными врачами истинного положения дел раздражала девушку. Сейчас она была бессильна перед любопытной силой человечества, которой невероятно хотелось узнать, не опухоль ли какая передала ей извилины. С одной стороны, Роза желала, чтобы все эти глупые врачи выяснили, кто она на самом деле, а с другой, стремилась всеми силами скрыть это. Ведь если они узнают, так просто её не отпустят. Но теперь уже Роза не могла воспротивиться и этому обстоятельству. Фиксирующая панель закрывала практически весь обзор, за исключением двух квадратных окошек для глаз, которые смотрели из них как из колодца.

Девушка утомилась выглядывать на спящую Линдхнет, которая, по-видимому, вставляла ей в вену катетер, чтобы потом ввести контрастное вещество, поэтому Роза просто уставилась на пластиковую перекладину прямо перед носом. Наконец рыжеволосая голова врача перестала мелькать в вышине, и сквозь беруши Роза услышала закрытие дверей. Раздалось столь внезапное электрическое жужжание, что девушка непроизвольно вздрогнула, словно эти импульсы звука прошли через её тело, и стол начал медленно задвигаться в зловещий туннель.

Последним, что она увидела, было лицо отца, с трепетом и утешением заглядывающего в колодец фиксирующей панели. Он мягко опустил свою ладонь дочери на бедро, а Роза ухватилась за неё как за последнее, что связывало её с реальностью. Затем все заполонил тусклый синий свет в узком пространстве.

У Розы никогда не было клаустрофобии и ко всем ограничивающим движения помещениям она не только относилась, по меньшей мере, без боязни, но и питала даже какую-то симпатию к замкнутым, а особенно темным углам. Она находила в них что-то первородное, отстранённое от мира и защищенное от внешних воздействий. Уютное обиталище ещё не родившегося человека. Роза отпустила руку отца и теперь просто неподвижно лежала, рассматривая перекладину у своего носа.

Громогласные звуки магнитных пластин, трещащих и гудящих во всю, девушка посчитала вполне устрашающими и далеко не мелодичными, поэтому какой рефлексивный процесс она ни начинала в своей голове, грохочущие кудахтанья и стенания аппарата заглушали поток мыслей.

Но вдруг все замолкло, и тишина ударила в голову. Раздалось хлопанье двери, началась какая-то возня, — очевидно, пришла Линдхнет. Но Роза не уделила ей внимания, пока та не заглянула в трубу, чтобы осведомиться о самочувствии пациентки, и лишь тогда девушка одарила её утвердительным мычанием.

Затем Линдхнет исчезла, грохотание и пиликание вернулись, всё стало как прежде. Течение времени перестало ощущаться, и Розе казалось, что она лежит в этой трубе всего несколько минут, но в то же время, что провела здесь всю свою жизнь. Ещё спустя некоторый неопределенный временной период реальность по ту сторону трубы исчезала, а немного погодя, вовсе не существовала никогда. Однако это представление быстро рассеялось неистовым звуковым сопровождением. Мысли расплзались во все стороны, поэтому девушка решила сосредоточиться на ощущении тела, чтобы не забыть о своем бытии. Роза скосила глаза и посмотрела на свой нос, затем почувствовала неподвижно лежащие и замерзшие руки, тепло ладони отца, проходящее сквозь тонкую ткань леггинсов, проникающее под кожу и разносящееся по телу согревающими электрическими импульсами. Девушка незаметно дернула пальцами на ногах. Она закрыла глаза и ощутила тяжесть своего тела, органов, всей этой материи, что составляла её оболочку, которая грузно тянулась к поверхности стола вниз. Стало так тяжело, что трудно было вздохнуть, и Розе казалось, будто тело сейчас провалится куда-то вглубь, она чувствовала движение то ли под кожей, но ли над ней. Сердце гулко охало, но не в груди, а где-то в животе, слева, а теперь уже весь живот пульсировал, словно сам превратился в сердце. Роза не могла вдохнуть носом, но больше не задыхалась, не понимая, откуда поступает воздух. Грудь взымалась от дыхания, но почему-то у неё над головой. Из-за странных ощущений Роза открыла глаза, но ничего не видела. Что-то красное и темное перемещалось перед ней, разъединялось и соединялось вновь. Но Роза не видела, она не чувствовала своих глаз, как и всего тела, и одновременно чувствовала его повсюду. На мгновение перед ней возник образ отца, задумчиво и тревожно ожидающего окончания процедуры. Но как? Она же в томографе. Чем ближе к голове, тем сильнее движение, и тем меньше Роза способна была различать свои части тела и органы. «Где мой нос?» — такой простой, но такой затруднительный для неё вопрос в этот момент. Что-то серое, склизкое с красными прожилками похожее на тонкую трубку шевелилось сплошной кучей в разных направлениях. Девушка видела это, чувствовала на ощупь, слышала скольжение и хлопанье, понимая, что это головной мозг меняет свое местоположение. Сердце распространялось по всему телу, отдавая пульсацией повсюду. Роза встревожилась.

«Сейчас не время! Сейчас не время! Не время! Нет! Нужно это остановить!» — голос внутри всего, и произвольный импульс раздался по неоднородным мышцам девушки, посылая сигнал в ещё не деформировавшиеся конечности. Правая нога Розы дернулась со всей силой, едва сдерживаемая ремнями на столе. Девушка, словно в припадке, затряслась всем телом, однако это не помогло повлиять на происходящие процессы. Она сжала сигнальную грушу: «Вдруг Линдхнет опомнится раньше, чем мои мозги окажутся в пятке!».

Но надежды на врача не было, поэтому Роза выпустила грушу и начала пытаться сама вытащить себя из томографа. Она с трудом просунула руки внутрь, не чувствуя боли ни от раздражающей её кожу иглы катетера, ни от ломавшихся до крови ногтей. Она истошно била руками по трубе изнутри, цепляясь и вытягивая тело оттуда. Но ничего не удавалось. Вместо этого Роза увидела поверхность трубы, будто прижалась к нему лицом. Она видела и свои руки, впереди, сзади, сверху, снизу, изнутри. Они сохранили форму, но были однородны по структуре, казалось, ещё чуть-чуть и она распадется на мелкие частицы и соединится вновь, становясь одним целым непрерывно двигающейся совокупности веществ. Так и случится, если эта медлительная Линдхнет не вытащит её из трубы сейчас же.

– Скорее! Скорее! Ей плохо! Выключите аппарат, выключите! — до неё доносились крики отца, который пытался заглянуть внутрь, но Роза согнула ноги, насколько это возможно, преграждая ему обзор.

Оглушительные звуки заглохли, и в кабинете началась шаркающая возня. Роза поняла, что, наверно, это ворвалась встревоженная её поведением Линдхнет и, возможно, отец в растерянности тоже движется по кабинету, но без определенной траектории.

Сосредоточенная на своих предположениях, Роза ощутила, что вновь видит перекладину фиксирующей панели перед своим носом, она скосила глаза: тот тоже был на месте. В это мгновение в трубу томографа заглянула Линдхнет:

– Роза! Что случилось? Ты в порядке?

Роза вздрогнула от её громогласного срывающегося голоса, но ничего не ответила. Линдхнет нажала на кнопку, и стол с Розой медленно выкатился на свет.

Она ощутила, как тело обмякло и распласталось от усталости, а сбивчивое дыхание с трудом поддавалось контролю, и поняла, как же сильно изматывает смещение частиц.

– Что случилось, Роза? — Линдхнет наконец-то сняла дурацкую панель с её лица и сразу же полезла со своими вопросами.

«Какие эти люди любопытные!» — Роза с раздражением покосилась на неё, всё ещё лежа на столе, но, по-прежнему, молча.

Роза умолкла, наблюдая за действиями врача. Закончив с трепетом внимать словам своей пациентки, Корнелий радостно выводил в новом прямоугольнике «зрительные галлюцинации и галлюцинации в области осязания».

– Что? Выводите мне там в своем блокнотике транзиторный психоз? — спокойно произнесла Роза, облокотилась на кресло и закинула щиколотку на колено.

Стурлссон в замешательстве поднял на неё глаза. Он думал о транзиторных психозах, однако в подсознании уже грезил о шизофрении. Параноидной шизофрении. Определенно. Уже придумывал, какие исследования проведет, какие труды по клинике психотических расстройств напишет. А его собственная книга о сновидениях психически больных? М-м-м, кажется, он отхватил свою главную героиню...

– Так что, может, назначим мне антипсихотики и разойдемся? — героиня будущей книги Корнелия вопросительно вскинула брови и так посмотрела на врача своим непосредственным взглядом, что тот сперва растерялся от её прямолинейности. Но затем Корнелий стремительно принял важный вид:

– Я полагаю, на данном этапе выявления болезни не стоит спешить с диагнозом, нужно изучить всё аспекты заболевания, — Стурлссон без особой нужды поправил очки на носу и внимательно посмотрел в свою записную книгу, а затем со вздохом отложил в сторону.

– Роза, скажи, пожалуйста, вызывают ли у тебя страх или тревогу замкнутые пространства? Бывает ли такое, что по необъяснимой причине у тебя возникает паника в лифте, например, ощущение удушья? Сильное сердцебиение?

– Доктор, Стурлссон, я жила в трехэтажном особняке все детство, — Роза многозначительно обвела кабинет Корнелия глазами, — я не ездила на лифте. Но, чтобы Вам было, что записать в своем блокнотике, скажу: около девяти тысяч восьмисот пятидесяти пяти часов своего детства от трех до двенадцати лет я провела в шкафу, предаваясь беспредельному одиночеству.

Однако Корнелий даже не потянулся к своей записной книжке.

– Полагаю, ты не слишком любила проводить время со сверстниками?

– Они мешали мне думать. К сведению, сейчас ничего не изменилось. Однако иногда они могут быть полезны...

Доктор Стурлссон с трудом удержал за зубами напоминание-вопрос о предполагаемой «пользе».

«Не время, ты можешь спугнуть крупную рыбу мысли» — останавливал себя психиатр-рыбак.

Роза расслаблено откинула голову назад и прикрыла глаза, но в её мнимом спокойствии прослеживалось напряжение и сосредоточенность караулящего свою жертву питона.

«Не попаду я в твою ловушку, не дождешься!» — Корнелий ухватил за хвост странную мысль в своем сознании и подивился её наличию.

«Кажется, психоз начинается у меня», — подумал он, анализируя, почему же ему показалось, будто она ждет именно этого вопроса.

Стурлссон сосредоточенно почесал седовласую чуть редеющую равнину на темени, зачесанную на бок, и продолжил опрос:

– Тебе нравится в шкафу?

– Не видно конца пространства и кажется, что оно бесконечно в своей черной пустоте... — с задумчивой угрюмостью протянула девушка.

Поразмыслив, Корнелий счел этот ответ за положительный.

– В шкафу ты слышала голоса? — он снова спросил метко и однозначно.

– Ваше время закончилось, доктор, — Роза недружелюбно улыбнулась и мотнула головой вверх, в сторону настенных часов.

Пока Корнелий недоумевал, как она могла видеть время на часах, что были у неё над головой, Роза покинула его кабинет несколькими шагами и одним дверным хлопком.

— Как прошло? — при виде дочери сидящий на одном из ряда металлических стульев Эдуард вскочил.

– Полагаю, весьма увлекательно для доктора Стурлссона, — девушка с серьезностью пожалала плечами, — я думаю, он хочет рассказать тебе о моих успехах.

– Роза, мы же говорили с тобой об этом, — Эдуард нахмурился, но без злобы, — он хочет тебе помочь, не стоит его недооценивать.

– Я много ему поведала о своей жизни, — Роза поджала губы и развела руками в ответ на упрек.

– Сейчас выясним, — ответил мужчина и осторожно зашел в кабинет.

– Доктор Стурлссон?

– О, господин Ротенгоф, проходите.

– Ну как Роза?

Корнелий задумчиво посмотрел в свой блокнот:

– Господин Ротенгоф, думаю, вы и сами догадываетесь, что мы имеем дело с серьезным психическим расстройством, — посмотрев прозорливо на посетителя, Корнелий принял величественный врачебный вид и продолжил, — на начальном этапе диагностики при данных симптомах ставится острый транзиторный психоз, но, сами понимаете, это всё условно. Не хочу вас пугать, но есть основания, что мы имеем дело с шизофренией.

Ротенгоф, не слишком, однако, сведущий в психических заболеваниях, был знаком с термином «шизофрения», поэтому по причине внезапной слабости в ногах присел на кресло.

Стурлссон, приняв к сведению аффект господина Ротенгофа, продолжил:

– Но такой диагноз целесообразно ставить лишь после шести месяцев клинических наблюдений, — а на данном этапе у нас есть лишь один приступ острого психоза, и я пока не располагаю достаточными наблюдениями, чтобы предсказать течение болезни.

Эдуард молча и едва заметно кивал, возможно, не слишком улавливая суть того, что говорил Стурлссон.

– Я назначу ей сеансы психотерапии два раза в неделю, в случае улучшения состояния возможно перейдем только на один, но сейчас необходимо выяснить клиническую картину, — брови Корнелия убедительно приподнялись вверх будто тоже рассуждали друг с другом о методах лечения болезни, а ладони ребром стучали по столу, словно приминая невидимый песочный куличик, — но в её состоянии я не могу обойтись без назначения медикаментозного лечения, поэтому пропишу ей нейролептики нового поколения с минимальными побочными эффектами.

Господин Ротенгоф не оживился.

– Эдуард, — прошептал Стурлссон, взывая к его заплывшему туманом собственных размышлений разуму, — это дорогой препарат и его трудно достать на рынке, но ведь и вы особый заказчик.

В этот момент Эдуард поднял на него полные осознания глаза, но так ничего и не произнес. На самом деле, он одновременно особо и не думал ни о чем и думал обо всем сразу. Если бы его спросили, что он чувствует сейчас, то он бы наверно не смог ответить словами, но внутри явно бы ощутил комок тяжелых, неизбежных и давящих на все его внутренности событий. В его голове постоянно, как назойливая насмехающаяся над ним муха, носилась из одного угла мозга в другой мысль: «У меня столько денег, а я по-прежнему не могу повлиять на происходящее...».

– Господин Ротенгоф? — повторил Корнелий, но уже шепотом, заставляя посетителя прислушаться.

– Да? — Эдуард снова предпринял попытку сосредоточиться на словах врача.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, которые помогут диагностированию заболевания вашей дочери и дальнейшему лечению. Если вы не готовы сейчас ответить, то можно встретиться в другой раз, потому что мне в любом случае будет необходимо периодически беседовать с кем-то из родителей, чтобы оценивать состояние Розы более объективно.

– Я понимаю, доктор Стурлссон, — Ротенгоф кивнул головой и намеревался что-то еще сказать, но Корнелий опередил его:

– Но вы очень устали, Эдуард, правда, у вас изможденный вид, — брови Корнелия сошлись уголком сочувствия, — вам стоило бы отдохнуть... Знаете, сейчас самое лучшее будет для всей вашей семьи уехать куда-нибудь подальше от городской суеты. Уверен, этот судебный процесс измотал всех вас, и болезнь Розы пошатнула психическое равновесие не только её, но и ваше, вашей жены. И я, как психиатр, настоятельно рекомендую взять небольшой отпуск и провести время вдали от всех проблем где-нибудь на природе. Поверьте, природа облагораживает и способствует улучшению душевного состояния. Каждому из вас стоит переосмыслить и принять те события, что произошли с вами.

– Доктор, Стурлссон, это хорошая идея, но моя работа...

– Я не настаиваю, но Вам стоило бы провести время с семьей. Розе этого не хватает, Эдуард. Порой проблемы в семейных отношениях — это ключ ко всем душевным болезням...

48 км вниз к озеру Лауэрц-Зе

48 километров на запад от Цюриха к озеру Лауэрц-Зе серебристый Форд Фокус Корнелия Стурлссона ехал со скоростью 145 км/ч, весьма задорно подпрыгивая под «Gimme! Gimme! Gimme!». И сам доктор, пребывающий в хорошем расположении духа, постукивал пальцами по рулю в такт мелодии. Позади него деловито дребезжали пожитки для летнего досуга.

Благодаря щедрому взносу от господина Рогенгофа, Корнелий наконец-то смог позволить себе воплотить давнюю мечту среднестатистического мужчины за шестьдесят и обзавестись собственным приусадебным участком.

На этой неделе он стал полноценным обладателем небольшого летнего домика и уже установил спутниковое телевидение, поэтому Стурлссона распирало от энергии легкого нетерпения.

Через пятнадцать минут Форд Фокус прибыл к месту назначения. Мужчина вышел из машины и, даже не заперев её на замок, побежал скорее осматривать свои владения. Он неспешно прошелся между будущих грядок, мысленно прикидывая, куда посадит кабачки, а куда морковь, задумавшись на мгновение о необходимости посадки салата.

«А если да, то какой? Может, салат латук, рукколу или шпинат? А что, если черви их будут есть?» — Корнелий с задумчивой тревожностью почесал седую бороду и посмотрел в небо.

Он решил, что у него ещё будет время разобраться в забавах начинающего садовода-любителя, причем, по его соображениям, вагон посадок большинства растений уже умчался в пробуждающуюся от сна весну, и многим его садоводческим проектам пока что было ещё не суждено сбыться.

«Но тем и лучше, — уверял себя доктор Стурлссон, — в этом году у меня запланировано нечто более амбициозное!»

Подумав о профессиональных планах, Корнелий вспомнил про свой автомобиль, набитый второстепенными средствами для их осуществления. Первостепенное же должно приехать завтра, поэтому нужно основательно подготовиться и «отработать свой дачный участок».

Проехав замшевыми ботинками по земляной куче, мужчина торопливо подоспел к машине. К счастью, никто из потенциальных угонщиков не удосужился осведомиться о легкой добыче, оставленной мечтательным доктором.

Корнелий припарковал машину поближе к дому, одновременно прикидывая в уме, во сколько ему обойдётся новый забор с воротами. Не мог же он довольствоваться сеткой-рабицей!

Пока Стурлссон перетаскивал справочники по психиатрии, чемодан с его дачными нарядами, продукты и покупки из магазина «Садовый город» на крыльцо, в мыслях он прикидывал материал и высоту забора, но, уже занося их в дом, пришел к выводу, что ничего не смыслит в этом.

До самого вечера Корнелий занимался уборкой и раскладыванием вещей, и, ещё немного побродив между вымысленных грядок, он все же решил заняться работой.

Доктор Стурлссон заварил себе какао, потому что кофе нарушал его строгий график сна, и уселся за справочники и свои заметки.

Настольная лампочка своим холодным тусклым светом заглядывала в его исписанные мелким приплюснутым почерком тетради и от перенапряжения иногда мигала, но Корнелия это совсем не раздражало. Кроме того, с экрана ноутбука его трудовую деятельность озаряла находящаяся в разработке книга «Влияние психических расстройств на сновидения».

Его интересовал не столько сон, как естественное физиологическое состояние организма, сколько возникновение в сознании и восприятие им уникальных образов. Корнелий, конечно

же, не верил, что увиденная во сне капуста обернется вероломством в любви, но и не примыкал к той группе ученых, что считали сны просто развлечением человеческого подсознания.

«Сны — это код загадочной матрицы сигналов мозга, определяющие сознание личности человека. Это ключ к сундуку забытых воспоминаний. Это аллегорическая карта, которая приведет нас к познанию себя...» — так начинается книга доктора Стурлссона, отражавшая его понимание сущности сновидений.

Среди сотен страниц, посвященных описанию и обобщению примеров из его личной врачебной практики в работе с пациентами, больными депрессией, деменцией, различными невротическими и аффективными расстройствами, на несколько десятков простиралась самая колоритная глава о пациентах с шизофренией.

Стурлссон описывал общую картину течения болезни того или иного пациента, несколько снов, которые он видел в течение определенного периода времени, а также старался их интерпретировать, опираясь на те бредовые идеи, галлюцинации и другие различные проблемы восприятия мира, от которых страдал больной. Он с гордостью поделился своим весьма удачным опытом погружения в осознанное сновидение во время гипноза, где помог нескольким пациентам побороть свои страхи.

Книга Корнелия казалась примечательной не только коллегам и знакомым специалистам в этой области, но и самому доктору Стурлссону, достаточно требовательному к себе. Однако ему, как всегда, не хватало какого-нибудь особенного, выходящего из ряда вон случая, заговоздки, исключения.

«Как скучно, когда все работает по одному правилу! — порой восклицал доктор, занимаясь не только своей профессиональной деятельностью, но и изучением чего угодно, — где же тут развитие? Отклонение — это альтернативная дорога, которая может привести к необычным и удивительным результатам».

Наверное, поэтому, он выбрал именно такую профессию, и очень радовался получению и использованию своих знаний, однако ни в чем полностью не соглашался ни с одним мастодонтом психиатрии. Даже по отношению к психическим заболеваниям у него была своя особая позиция. Корнелий не отрицал, что психические болезни — это такие же болезни, как и соматические, но где граница нормы? Что такое норма? Существует ли она в природе? Могут ли люди с их субъективным сознанием судить о какой-то «норме»? Для Корнелия эти вопросы и по сей день были открыты, но при лечении психических болезней ему хватало лишь того, что сам пациент или окружающие испытывали дискомфорт.

Сознание и мышление «психически больных» было особенное, нескованное рамками, устанавливаемыми общественными порядками, свободное, своеобразное. Поэтому в своей книге «Влияние психических расстройств на сновидения», Корнелий хотел показать не только необычные визуальные образы, которые возникали в подсознании его пациентов, но и как можно расшифровать их и воздействовать с целью лечения.

Однако Стурлссон не торопился. Он решил вначале закончить схему в своей записной книге под заголовком «Р.Ротенгоф». Так как доктор по большей части склонялся к параноидной шизофрении, для наглядности он решил выписать себе наиболее общие признаки.

В то время как Корнелий старательно выводил в своих прямоугольниках «схизис»², «эхо мыслей»³, «кататоническое поведение»⁴, «галлюцинации», «бредовые идеи» и прочие прелести данного психического расстройства, его телефон внезапно зазвонил.

² Схизис — расщепление психической деятельности при шизофрении, часто выражающееся в склонности к прямо противоположным, взаимоисключающим друг друга эмоциям, мыслям и идеям; внутренняя противоречивость и несогласованность.

³ Эхо мыслей — психопатологический симптом, при котором больной уверен, что его мысли доступны окружающим, вкладывание, отнятие мыслей.

⁴ Кататоническое поведение — психопатологический синдром (группа симптомов), основным клиническим проявлением которого являются двигательные расстройства, характеризующиеся картиной заторможенности (ступора) или возбуждения.

– Аллоу? — вопросительно протянул доктор, подавив в себе раздражение.

Стурлссон не любил, когда его отвлекали от работы и, вообще, звонили попусту, однако он всегда старался отвечать нейтрально, пока не выяснит личность вызывающего. В этот вечер он не ждал звонка, но ведь врачам часто звонит кто ни попадя.

– ...Это доктор Стурлссон? — женский голос неуверенно сыпался тревожным песком в телефон.

Стурлссон немного замялся, не желая в этот момент оказаться самим собой и кому-либо об этом рассказывать, ведь если зовут доктора Стурлссона, значит от него что-то нужно, а Корнелий был сейчас в неподходящем настроении, чтобы кому-то помогать. Но, не найдя никаких объективных причин для обмана и любопытства причиной звонка, Корнелий произнес:

– ...Да.

– Ох, — с облегчением после долгой паузы произнесла женщина и продолжила, — доктор Стурлссон, вы ведь занимаетесь лечением Розы Ротенгоф?

– Э-э, а почему вы спрашиваете? Кто вы? — Корнелий не собирался болтать с какой-то женщиной о своих пациентах.

– Ой, я не представилась, извините, — женщина ещё сильнее засуетилась и занервничала, — я доктор Линдхнет, я проводила МРТ-обследование Розы. Я отправляла вам снимки на той неделе... Если вы меня не помните, то там внизу стоит мое имя...

– Стойте, стойте, я помню! — Корнелий унял её непрерывный поток информации.

На самом деле он не помнил её и даже не услышал ничего после слова «МРТ», но судя по голосу женщины и несдержанному волнению с привкусом виноватости, Корнелий понял, что Линдхнет больше хочет сказать сама, чем потребовать что-то от него.

– Что вы хотели, Линдхнет?

– Ох, — Линдхнет выдохнула и шумно, как пылесос, набрала воздух в легкие, — у меня к вам такое дело...

Корнелий с усталым раздражением собрал глаза большим и указательным пальцем в кучу у носа. Как же он не любил, когда ходили вокруг да около.

– Понимаете, — Линдхнет оттягивала, но ещё немного набрав воздуха, сквозняком выдохнула в трубку, — у вас не все снимки.

– О чём вы? Я не заметил ничего подобного.

– Вы и не радиолог, — в голосе Линдхнет проскользнула снисходительная усмешка, но тут же исчезла, — у нас возникли некоторые трудности с аппаратом, возможно...

– И вы решили стереть неудачные снимки? — Стурлссон начал негодовать, — послушайте, Линдхнет, я, конечно, может быть, и не радиолог, но и вы, знаете ли, не фотограф!

– Я понимаю, доктор Стурлссон, — голос женщины был отягощен виной, — поэтому я и звоню!

– ...— Корнелий выжидал.

– Я не удаляла снимки... Я...я просто не включила их в медицинское заключение.

– Вы хотите сказать, что вы что-то на них обнаружили?

– Как сказать... — Линдхнет тревожно медлила, — с тканями Розы всё в порядке, но вот их структура... Я...я...ох... не знаю, как объяснить...

– Что с ней? Я не понимаю, о чём в вы, Линдхнет?

Линдхнет долго молчала, приводя в порядок свое объяснение, но, так и не справившись с этим, сказала:

– Корнелий, давайте я пришлю вам на личный почтовый адрес, куда доступ есть только у вас, пожалуйста!

Корнелий сердился, что его беспокоили в нерабочее время, однако раздражение начало уступать место любопытству. Несколько мгновений доктор перебирал в памяти последнюю

встречу со своей пациенткой, повесив молчание, напрягавшее радиолога. Роза тоже говорила о фотографиях, и это не могло ни настораживать.

– Простите, доктор Стурлссон! Но это действительно важно! Просто взгляните, — прервала мучительное молчание Линдхнет, буквально умоляя, — понимаете, я сделала это не со зла, но... У нас престижная клиника, и наш посетитель, господин Ротенгоф, не абы кто... Я растерялась... Такого никогда не было... я не понимаю, что это...

Стурлссон совершенно не понимал, о чем она говорит, однако доктор сделал вывод, что во время процедуры Розы, что-то пошло не так, и это отразилось на снимках, что, возможно, оправдывает такое сумбурное поведение Линдхнет, но что было на снимках?

– Хорошо, я скину вам свой адрес по SMS, — Корнелий снова потер глаза, и, не дождавшись от Линдхнет словесной тирады благодарности, повесил трубку.

Стурлссон быстро отправил последнему входящему номеру свой личный адрес, положил телефон на стол и ушел заварить себе ещё какао.

Когда он вернулся, на его почту уже пришло новое сообщение. С медлительным недоверием мужчина открыл письмо и кликнул на папку с фотографиями, которая была вложена в него. На экране появилось томительное кольцо загрузки, а Корнелий ощутил предчувствие легкой тревоги.

«Что имела в виду эта Линдхнет? Что может быть на снимках?» — думал доктор, постукивая металлической дужкой своих очков по столу.

Как только томительное кольцо исчезло, Корнелий отбросил свои очки в сторону и уставился на первый снимок.

Обычно на снимках МРТ головной мозг может узнать даже обыватель, однако в данной ситуации установить наличие этого органа у проходящего томографию было затруднительно. Примечательно было то, что сам силуэт остался неизменным, в то время как все, что было внутри, располагалось в хаотичном порядке. Трудно было определить границы отдельных органов и тканей, так как создавалось впечатление, что они превратились в какую-то подвижную жидкость и на фото был запечатлен момент её перемещений.

Доктор Стурлссон отпрянул от экрана, широко распахнув свои близорукие глаза. В груди все сжалось в острый комок замешательства и ...страха. В голове всплыло воспоминание о странном поведении фрау Ротенгоф во время последнего приема. На секунду облако сумбурных событий сложилось в весьма рациональную картину, которую Корнелий тут же смешал в кучу снова, не желая признавать невероятное. Он судорожно похлопал ладонью по столу в поиске своих очков. Однако их надевание не улучшило ситуацию.

Доктор Стурлссон два раза глубоко вздохнул и без какой-либо мысли в голове пролистал остальные фотографии.

Остальные фотографии не отличались ничем примечательным, кроме того, что отражали постепенное разрушение рельефа лица и показывали это с разных сторон. А в конце Корнелий пришел к выводу, что кульминацией всего этого сомнительного процесса было достижение обтекаемой формы человеческой головы, словно форма оболочки осталась, а содержание стало единой материей.

Мужчина нажал на крестик последней настораживающей фотографии. Пытаясь придать какое-либо осмысление увиденному, Корнелий в течение нескольких минут внимательно вглядывался в пустоту, лежащую на столе.

Человеческая природа такова, что у всего должно быть свое объяснение и причина. А если его нет, то его следовало бы придумать. Так, древний земледelec сетовал на богов земли, дождя и даже молний из-за того, что в этом сезоне его урожай был весьма скудным, и это было вовсе не потому, что все лето он лежал на сеновале и плевал в небо, вместо того, чтобы поливать свою кукурузу.

Стурлссону тоже хотелось объяснений, однако информация все никак не складывалась в приемлемую картину для его сознания. Корнелий хотел было сам что-то додумать, но что он мог додумать? Он психиатр, а не радиолог, он хорошо разбирался в строении мозга, но не в строении атомов и процессов, которые происходят с ними внутри под воздействием магнитных волн. Что он мог понять, если даже радиолог Линдхет не понимала?

Все бы было куда проще, если бы не фантастический рассказ неуравновешенной Розы и её озабоченность недостающими фотографиями. Откуда она знала, что их не хватает? Почему была так уверена в их существовании? Почему изображенное на фотографиях так совпадает со словами девушки?

Стурлссон был настроен скептически.

«Не могут человеческие органы так шевелиться!» — доктор настойчиво стукнул кулаком по столу в оглушительной тишине размышлений. Корнелий нашел свое объяснение.

Роза прислонила голову к стеклу, устремив взгляд далекой задумчивости в чашу высоких сосен. Лучи утреннего солнца скользили по острым изгибам её лица, отбрасывая утомленные тени под скулами. Лицо расслабленно и неподвижно вытянулось, принимая ещё более изможденный вид. Под глазами темнели впалые круги ночных раздумий. И, хотя Роза плотно позавтракала перед отъездом, выглядела она не слишком наполненной жизненными силами. Длинные распущенные волосы были заправлены за шиворот серой толстовки, которая нелепо скомкалась в кучу под грудью. Но девушка не обращала внимания на это недоразумение, находясь слишком далеко от мира, где на ней что-то надето. Не беспокоили Розу и легкие постукивания черепа о стекло автомобиля на небольших дорожных неровностях.

Эдуард величественно и молчаливо сидел за рулем в своих авиаторах, чуть приспущенных на переносицу, чтобы лукавые лучи не щекотали глаза, переливаясь блеском в светло-серой радужке. Белая рубашка с подвернутыми рукавами и с парой расстегнутых пуговиц на груди, колыхалась от воздушных порывов из приоткрытого окна. Сегодня у его прически был выходной от геля для волос, поэтому короткие локоны тоже кружились небрежными волнами.

Лидия, устроившись на пассажирском сидении впереди, не нашла занятия лучше, чем выводить малиновой помадой губы поверх своих зажеванных ниток. Эдуарду, казалось, будто она делала это всю дорогу. И, несмотря на то, что Ротенгофы выбрались впервые за многие годы на семейный отдых, каждый был занят своими собственными размышлениями.

В голове Эдуарда все крутились последние слова психиатра о его дочери, поэтому его думы были весьма тягостными и требующими анализа воспоминаний прошлых лет. Что и как могло повлиять на становление болезненного характера Розы?

Бессмысленно утаивать от самого себя, что отношения с женой были внешне искусственными, а внутри эмоционально натянутыми. Никто ничего не говорил, не показывал, не делал, но незримое, неслышимое, неосязаемое напряжение ощущалось всеми клетками тела. Эдуард думал так не только про себя, но и про Лидию. Она говорила одобрительное «Конечно!», но он чувствовал, как где-то за её узкими зрачками прячется «Даже не думай, подлец...».

Мужчина ловил себя на мысли, что ему это все кажется, и он просто ждет осуждения даже от своей семьи. Раздумья о причине заставляли ощущать его удушливый стыд.

Расположившись на сидении за отцом, Роза по-прежнему с внимательной пустотой в глазах продолжала рассматривать величественные вечно зеленые тянущиеся к небу сосны, которые шепотом своих душистых иголок манили всё дальше в глубину лесов вершины Хёронен.

Несмотря на свой угрюмый, впрочем, как и всегда, вид, она была действительно рада вновь посетить уединенную обитель, огороженную несколькими километрами могучих деревьев от людской суеты и навязчивых огней города. Эринтсваген находился в 42 километрах от Цюриха на восток и 11 минутах езды по Ратенштрассе к озеру Егери. Там располагался заго-

родный дом господина Ротенгофа среди нескольких имений других далеко не бедствующих владельцев.

Роза чувствовала себя здесь как на окраине цивилизации, а все потому, что сигналы из внешнего мира доходили сюда лишь благодаря радиоприемникам. Местного населения здесь не наблюдалось, а владельцы своих летних имений предпочли отказаться от технических благ цивилизации во имя покоя и единения с природой. Многие приезжали сюда специально, чтобы посидеть на информационной диете. Роза, в самом деле, любила информационные диеты, потому что искала свой особый сигнал.

Недовольным отсутствием интернета здесь был только Эдуард, потому что ни на минуту не мог оставить свое предприятие без попечения. Господин Ротенгоф до сих пор не понимал, как он сможет оставить работу на целый месяц своего пребывания в лесной глуши. Именно поэтому в своем собственном имении в последние пять лет он практически не появлялся, систематически отправляя на летнее уединение только Розу и Лидию. Они, впрочем, встречались там нечасто, и каждая из них была предоставлена самой себе.

«Но в этот раз всё должно было быть иначе. И будет иначе!» — твердо решил мужчина, поворачивая на однополосную дорогу, ведущую в самую глубь леса.

Среди сосен притаились кустарники, которые украшали пухлой юбочкой их тощие стволы. Периодически попадались крупные папоротники и тогда сосновый прикид выглядел совсем нарядно.

Наконец автомобиль Ротенгофа озарил солнечный свет — он выехал на поляну, покрытую ярко-зеленым ворсом молодой травы. Несколько коттеджей, территория которых имела невысокое ограждение индивидуального дизайна, стояли в два ряда на отдалении друг от друга. От каждого участка в середину между рядами шла каменная дорога, образуя небольшую улицу. С приближением автомобиля вдали все выше проступали темные вершины гор, чуть задевающие облака, которые сегодня небольшой командой ползли около самого горизонта. Укрытая со всех сторон сосновыми деревьями поляна простиралась всего на полкилометра, но от этого лишь выглядела ещё уютнее. Однако величия этому месту придавали и другие поляны с немногочисленными домиками на невысоких волнах зеленых холмов. И казалось, будто каждая из этих маленьких полянок часть грандиозной природной системы, имеющей свое завершение лишь при столкновении с суровым сужением горных вершин в небесном пространстве на горизонте.

Ротенгоф свернул на каменную дорогу, неторопливо подъехал к деревянному двухэтажному коттеджу посреди поляны и остановил машину прямо напротив дома за ажурным кованым забором с механическими воротами и калиткой. Все пассажиры вздохнули: кто-то с сожалением об окончании увлекательной поездки, кто-то с облегчением от утомительной дороги, кто-то с тяжестью о грядущем неминуемом таскании сеток. Ведь господин Ротенгоф попросил домработниц подготовить дом к их приезду, но оставить его семейство на время этой летней идиллии в частном составе. О чем, возможно, он и пожалел в следующие мгновения.

Нажав кнопку открытия багажника, Эдуард с юношеской резвостью выскочил из своего Лексуса и оглядел масштабы грузовой работы. За ним неторопливо вывалилась Лидия, а за ней выпрыгнула Роза.

— Милая, открой дом, пожалуйста, — сказал мужчина, протягивая ключи.

За ними потянулась Лидия, но Эдуард протягивал их Розе, поэтому девушка лихо выхватила ключи перед лицом матери и, нажимая на кнопки, стремительно расправилась с гаражом и калиткой и скрылась в зеленеющей садовой арке.

— А ты, будь добра, возьми сумки со своей одеждой, что ты набрала гулять в лесу, — сказал спокойно Эдуард жене, однако, в голосе все же дребезжало недовольство.

Лидия хмыкнула, отбросила свои жидкие, достающие до плеч, волосы цвета блеклого ореха с проседью (на летний период госпожа Ротенгоф решила отдохнуть от капсульного нара-

щивания) и принялась вытаскивать из багажника две большие сумки и со своими вещами. Лидия выглядела значительно старше своих лет, несмотря на упорные занятия йогой и строгую диету. Она походила на костлявую курицу, которая отчаянно пытается сохранить увядающую красоту при помощи сельдерея, кремов со слизью улиток, цветастых платьев и тяжёлых серёжек, в то время, как по достижении среднего возраста её муж совершенно расцвёл...

Эдуард вытащил другие тяжелые предметы быта из багажника и взвалил их себе на плечи. Вены на его сильных руках очертили рельеф напряжения, а на лоб упала темная, чуть завивающаяся внутрь прядь, которую от откинул изящным кивком головой. Мужчина неспешно проследовал с вещами в садовую арку, где большие листья дикого винограда шелестели, задев его груз.

Роза, ожидающая семью у двери, следовала глазами за чуть покачивающейся от тяжести фигурой Эдуарда.

Ему было слегка за сорок, и его зрелая красота мужественной суровости походила на последние плоды крыжовника в августе: самые большие и самые сладкие. В них уже не было юношеской кислинки зеленой корочки ранних ягод, и хотелось съесть целиком, а тонкая кожура сама лопалась во рту и таяла косточками, объятами вязкой нежной мякотью. Но это последние недели самого насыщенного и яркого вкуса прежде, чем увядающее растение сбросит засохшие ягоды.

Едва бы нашлись барышни, которые отказались бы стать объектом пристального внимания его серо-голубых глаз. Правда, в последние годы цвет радужки тяготел к сверкающей стали с огибающей её черной полосой, и при прямом попадании солнечных лучей поблескивал алмазным окаймлением вокруг зрачков, что делало его, однако, ещё более притягательным для дамских сердец. Но сколько бы ни подозревала Лидия, рубашка её мужа скрывала подтянутую упругость мужского тела, к которой давно не прикасалась женская рука.

Роза столкнулась своим блуждающим взглядом с отцом и поспешила взять у него часть пожитков. Эдуард нехотя протянул дочери пару пакетов, чтобы она внесла их в дом. Роза к тому времени избавилась от своей дремучей толстовки. Длинные волосы качались у поясницы, распадаясь плавными движениями на блестящие пряди.

Роза обладала соблазнительной женственной фигурой, которая совершенно не вязалась с постоянно измождённым лицом. И когда она пребывала в размышлениях оно ещё сильнее вытягивалось и сползало вниз, создавая сердито-отягощённый взгляд. Выдающиеся скулы, блеск стальных глаз и изящную вздернутость кончика носа она унаследовала от отца. А от матери, в свою очередь, Роза унаследовала что-то, вероятно, незначительное.

В целом внешность фрау Ротенгоф была весьма своеобразная, однако далеко не отталкивающая юных и не очень воздыхателей. Пухлые губы чаще всего были либо задумчиво открыты, либо цинично поджаты, а надменный изгиб бровей заставлял ощутить окружающих её необъяснимое превосходство. Серьезный не по годам взгляд и выраженная геометрия лица добавляла мужественности её юным чертам.

На самом деле Роза с лёгкостью могла стать первой красоткой любой школы, университета или колледжа, подкрашивая губы помадой и надевая короткие юбки и облегающие платья, однако в выборе одежды она отдавала предпочтение удобству и однотонным чёрным, белым, синим и серым цветам. В частности, Роза имела привычку примерять что-нибудь из гардероба отца. Эдуард, впрочем, никогда не замечал пропажи нескольких рубашек или футболок из его необъятного шкафа деловой одежды, но в скором времени обращал внимание, как хорошо сидит на дочери новая вещица.

Вот и сейчас девушка раскладывала вещи в подозрительно свободной серой майке, надетой на голое тело и заправленной в зауженные синие джинсы.

Эдуард утомленно оперся на дверной косяк, сосредоточенно размышляя о том, видел ли он данный предмет гардероба ранее, и, возможно, о том, что его дочь уже не в том возрасте, чтобы носить её без бюстгальтера.

– Что встал на проходе? Ты будешь помогать разбирать вещи? — ворчливое скрипение жены, ткнувшей его локтем в бок, вытянуло его из странных раздумий, и мужчина, ничего не отвечая, проследовал внутрь дома.

Внешне деревянный двухэтажный коттедж господина Ротенгофа и его семьи выглядел не слишком шикарным, но обладал минималистичным шармом, как и внутреннее устройство дома, сделанное со вкусом. На первом этаже располагалась кухня, имеющая выход на веранду, и широкая застекленная гостиная. В ней стояли несколько дорогих кожаных кресел, небольшой журнальный столик из стекла и огромный книжный шкаф, преимущественно заполненный книгами Эдуарда по физике и машиностроению, которые он берег после окончания университета, однако, можно было найти и сопливую лирику романтиков первой половины девятнадцатого века, приволоченную Лидией для досуга. Никто в доме не разделял её поэтического настроения, а Эдуард утверждал: «В жизни по-настоящему важные мысли не говорят в рифму...»

Лидия только морщила нос от его слов, и целыми днями валялась с Байроном на кровати или копалась в грядках. К тому же, она организовала себе роскошную оранжерею, в которой она могла часами пропадать и вместе с Байроном. Она плотно примыкала к гостиной матовым стеклом, а вся основная прозрачная конструкция выходила на улицу. Там Лидия выращивала всякие экзотические цветы, привезенные со всей планеты, подарки от Эдуарда. Так, он лишил себя мучительных размышлений по поводу выбора нового праздничного подношения жене. Впрочем, основная работа по уходу за всякими прихотливыми созданиями растительного происхождения ложилась на плечи несчастных домработниц, которые следили за домом в течение всего года до наступления дачного сезона. А если одна из них угробит какую-нибудь дорогую колючку, то Лидия беспощадно отчитывала их, и практически каждый год им приходилось искать новую смотрительницу за цветами.

На верхнем этаже располагалось четыре комнаты: комната для гостей, где в роли гостя обычно пребывал какой-нибудь хлам Лидии; кабинет господина Ротенгофа, заваленный всякими старыми бумагами, которые он приволок из дома; темная спальня Эдуарда и Лидии с широким застекленным балконом, занавешенным тяжелыми бордовыми шторами из габардина; небольшая и светлая комната Розы с достигающим двух метров окном, открывающим по ночам звездные миры.

Оставив на веранде Эдуарда раскладывать готовые к употреблению продукты в холодильник и Лидию, что-то бессмысленно подметающую, Роза уже занесла ногу на последнюю ступеньку лестницы, ведущей в её покои, чтобы предаться безграничному одиночеству, как в двери постучали.

Эдуард замер с сыром в руках. Лидия перестала корячиться под столом и вылезла оттуда, чтобы показать мужу свое замешательство. Однако у него и своего хватало, ведь никто из них не ждал гостей.

– Иди посмотри кто там, — сказала Лидия и указала мужу веником на дверь.

– Но почему я? — мужчина замешкался и развел руками, — я... я сыр держу!

Лидия сузила на него один глаз, давая понять, что его глупые шутки не прокатят, однако, махнув на мужчину веником, сама решила во всем разобраться.

В коттедже Ротенгофа было две входных двери: одна, передняя, в коридоре и вторая, деревянная, на веранде. Незваные гости предусмотрительно подошли к последней.

– Кто там? — спросила осторожно Лидия, открывая дверной замок.

– Соседи! — на неё вдруг обрушился громогласный женский голос, руки обладательницы которого уже с упорством помогали Лидии распахнуть двери.

– Пани Скоптыш-Броньская! — рука приветствия стремительно выпрыгнула вперед, — но можете звать меня просто Кунегунда!

Лидия замерла, сраженная обилием звука и информации. Перед ней стояла женщина, примерно её возраста, чуть расплывшаяся в талии, с мясистым носом, широким звукоиспускателем и золотистой тугой косой. Гостья была одета в коричневую вязаную юбку почти до пят и клетчатую рубашку.

– Рада познакомиться, госпожа Ротенгоф, — обдав Ротенгофов пламенным приветствием, сдобренным неразборчивым польским акцентом, Кунегунда нещадно потрясла хрупкую руку Лидии, которую она не смогла скрыть от чересчур дружелюбного рукопожатия.

– Откуда... — хотела начать Лидия, однако сразу же переключилась на другой вопрос, — вы кто вообще?

– Так я говорю же: пани Кунегунда! Мы с мужем купили дом напротив. Так что теперь мы соседи!

«Я тебе говорила, что надо было дом напротив выкупать скорее! Пока не понаехали!» — Лидия обернулась и бросила гневный взгляд Эдуарда, по-прежнему стоически держащего сыр. Тот лишь с сожалением поднял брови.

Кунегунда умело оттеснила Лидию и вошла в дом, с интересом оглядываясь.

Роза лежала на столе, стоящим у окна, и внимательно провожала взглядом проплывающие облака. Её мысли были далеко отсюда. Однако звуковое беспокойство, доносящееся снизу, вернуло их на место. Обычно её не слишком волновало происходящее вокруг и тем более не с ней, но эти непривычные возгласы затаили в ней любопытство.

Она медленно встала со стола и тихо, чтобы не привлекать внимания, начала спускаться по лестнице. Однако остаться незамеченной ей не удалось.

– О, что за королева! — ядреный голос Кунегунды опередил её следующий шаг, и девушка замерла в страхе и нерешительности.

«Папа, это что?» — Роза перевела вопрошающий взгляд на отца, однако одними глазами ему удалось поделиться лишь безграничным непониманием, поэтому ситуацию в свои руки взяла Лидия:

– Роза, познакомься, это наша новая соседка напротив — пани Кунегунда.

– День добрый! — пани Кунегунда уже летела своей ладонью к лестнице.

С неодобрительным лицом Роза опасливо скукожилась, но, несмотря на это, новой соседке удалось потрясти в своем капкане хрупкую руку девушки.

– Какую красоту вырастили! — Кунегунда обернулась к Лидии, расхваливая её плод совместных ночных трудов с Эдуардом, и обратилась уже к самому предмету своего восхищения:

– В университет ходишь?

Роза неуверенно кивнула.

– О, это чудесно! Мой сын Матеуш закончил два года назад и теперь работает тут с отцом в Швейцарии. Только летом к ним приезжаю, — Кунегунда на мгновение приуныла, погрузившись в мысли о разлуке. Чтобы побереечь свои барабанные перепонки, никто не стал уточнять, почему бы ей тоже не переехать сюда насовсем.

– Это очень печально, но я думаю, вы хорошо проведете этот отпуск вместе, — заключила Лидия и, выпроваживая гостью взглядом, скрестила руки на груди.

– О, спасибо, пани Лидия, Вам тоже хорошего отдыха в этом чудесном уголке! — щеки Кунегунды приподнялись в улыбке, и, одной ногой уже ступая за порог, она мечтательно произнесла, — У нас есть сыночек, у вас доченька...

Кунегунда с настораживающим намеком задвигала бровями.

Лидия, нахмутив брови, в недоумении отвела назад свою шею, как гусыня, а Эдуард так сжал сыр в своей пылающей ладони, что бедный «Эмменталь» наверняка превратился в плавленый сырок.

Увидев недобрые выражения их лиц, Кунегунда поспешила пояснить:

– Прошу прощения за мой недалекий немецкий, возможно, я сомнительно выразилась, но, думаю, молодежь обычно скучает на природе, и им будет веселее вместе.

Брови Эдуарда и Лидии в недоверчивом понимании расслабились. Никто возражать больше не стал.

– Как знать, Кунегунда, как знать... — Лидия задумчиво покачала головой и с силой захлопнула за гостьей двери.

Кунегунда, уже отдаляясь, оглянулась и крикнула новым соседям:

– Заходите на рассольник с галушками и квашеную капусту!

Лидия беззвучно лежала на подушке, повернувшись каменным лицом к потолку. Эдуард, затаив дыхание и закутавшись одеялом до ушей, рассматривал профиль жены. Какое-то внутреннее беспокойство заставило его поднести два пальца к её ноздрям.

Но в следующую секунду их обдал слабый поток теплого воздуха. Мужчина выдохнул не то с облегчением, не то с сожалением и отдернул пальцы. Пытаясь отогнать странные мысли, Эдуард помотал головой на подушке, отвернулся от Лидии и аккуратно встал с постели. Он опасливо оглянулся, чтобы проверить, не разбудил ли её, но жена по-прежнему застывшей статуей усопшей девы покоилась на ложе.

Мужчина осторожно вытащил из прикроватной тумбочки спутниковый телефон и легкими шагами вышел на балкон в одних серых трусах-брифах от Calvin Klein, не желая лишний раз топтать через всю спальню к комоду за одеждой.

Прохлада раннего утра скользнула по его неприкрытому телу, и Эдуард непроизвольно дернул плечами. Он завернул за угол, чтобы дальнейшие его действия были как можно меньше слышны и, опершись руками на перила, набрал телефонный номер.

– Доброе утро, господин Ротенгоф, директор департамента правого обеспечения Хенрик Гуивер, слушаю?

– Здравствуйте, Хенрик, как там идут переговоры с «Юпитер-корпорейшн»?

– М-м-м, — голос Хенрика виновато замялся, — боюсь, с этим придется подождать, господин Ротенгоф, Катахреза отказывается передавать нам права на ускоритель... Он требует проведения патентного исследования...

Эдуард с досадой сжал перила и челюсти так, что первые еле слышно жалобно заскрипели, а мышцы челюсти напряглись, создавая рельеф сердитости на его лице. Мужчина совершенно забыл о том, что окруженный прохладой раннего утра он стоит на своем балконе в одном нижнем белье.

– Неужели этот гнусный мошенник всерьез рассчитывает выиграть в суде? — Ротенгоф необдуманно ударил кулаком по перилам.

– Я понимаю, господин Ротенгоф, ваше недовольство, мы будем стараться...

– Недовольство?! Я в ярости Хенрик! Я пятнадцать лет положил на разработку ускорителя для получения антиматерии! Мне бы хотелось при жизни проверить его эффективность. Я готов платить этому подлому черту деньги, сколько угодно, только бы начать, наконец, строительство аннигиляционных двигателей! Они цель всей моей жизни! Это должен был быть прорыв в проектировании космических кораблей...

– И будет, господин Ротенгоф, нужно только собрать все доказательства вашего авторства разработок и отправить суд...

– Так отправляйте! Чего вы медлите, Хенрик? Я отлучился на месяц, поручив вам руководство патентным спором от нашей компании, надеюсь, что вы сможете решить эти проблемы! Мне нужно каждый раз вам напоминать о ваших обязанностях?

– Эд? — заспанный осуждающий голос, доносящийся со спины Эдуарда, раскатился дрожью по всему его телу. Он ненавидел, когда его называли «Эд».

Мужчина вздрогнул и обернулся. В дверном проходе обтекаемая занавесками в своей длинной сорочке со всклокоченными волосами и недобрый взглядом стояла Лидия, скрестив руки на груди.

«Эд, ты шумишь и мешаешь мне спать!

Эд, ты же обещал никакой работы в этот уикенд!

Эд, почему ты стоишь полуголый на балконе! Соседи смотрят!» — таилось в её укорительном «Эд».

В телефоне Хенрик продолжал что-то лепетать в свое оправдание, но Эдуард его уже не слушал.

– К концу недели все документы по разработкам нашей компании должны быть собраны и отправлены в патентное бюро, всего доброго, Хенрик, — необычно тихим и ещё более низким голосом Эдуард быстро проговорил в телефон и повесил трубку.

Лидия шумно втянула ноздрями воздух и покачала головой.

– Надень штаны, не срамись! — сказала она только и скрылась приведением в тумане занавесок.

Эдуард опёрся локтями на перила и закрыл лицо руками, на несколько секунд выпадая из мира.

– Доброе утро, господин Ротенгоф! — идущая по тропинке Кунегунда радостно махала ему какой-то тряпкой.

Мужчина ответил ей сдержанной нелюбезной улыбкой и поскорее скрылся за занавеской, недоумевая, куда она намылилась в такую рань.

Как только Роза поняла, что её сознание отошло от сна, она вскочила и схватила листок и карандаш, которые были заранее положены на тумбочку. Чуть меньше десяти секунд она восстанавливала в голове некую логическую последовательность и написала на маленьком квадратном листе: «Поглощение».

Она отбросила карандаш в сторону и долго смотрела на сочетание букв, складывающихся в слово. Нужно ли слово она выбрала? Нужные ли буквы? Достаточно ли они отражают сущность той мысли, что с каждым мгновением неумолимо меркла в её сознании? Теперь уже поздно...

Суть улетучилась бесследно, и вот уже эти буквы кажутся ей чужими и ничего не значащими. Как неузнанная мелодия, которая утихла на самой желанной ноте, и не найти, не вспомнить её никогда.

Роза взяла в руки другие маленькие квадратiki с не менее сомнительными заметками. Она перебрала их как игральные карты в руках, однако они не помогли пробудить подсознательную память к работе.

Это омрачило её душевное состояние. И, хотя со стороны она всегда казалась такой, её редко что-либо действительно расстраивало. Девушка, скорее, была равнодушной к окружающей жизни, но вот что действительно приводило Розу в отчаяние, так это несовершенство человеческого сознания.

Во сне Розе казалось, что она знает и понимает такие вещи, которые невозможно описать при помощи изобретенных человеком знаковых систем: цифр, формул, букв. Буквы были наиболее субъективными, поэтому, может, она и использовала их, поскольку после непостижимых, неконтролируемых информативных процессов в её мозге, оставались лишь ощущения.

Для выражения не хватало цифр, формул, а слова всегда казались не самыми подходящими. Но это все, что было у Розы.

Она вздохнула, продолжая перебирать в руках свои записи. Ей удалось уже разгадать две, придет время, и ясность обретет каждая из них. Все они сложатся в единую картину сущности. Так верила Роза.

Двери в её комнату скрипнули, и из приоткрытой щели показалась осторожно заглядывающая голова Эдуарда. Он увидел задумчиво сидящую на кровати дочь с маленькими квадратными листками в руках. Роза ощутила его присутствие, но никак не отреагировала.

– Опять видишь эти сны? — спросил мужчина, сильнее отворяя дверь и опираясь на косяк.

Ещё несколько секунд Роза молча смотрела в пустоту перед собой, прежде чем поднять глаза на отца:

– Я никогда не переставала, — ответила она спокойным голосом.

Эдуарда вдруг позвала Лидия откуда-то снизу, он начал разворачиваться, чтобы покинуть комнату дочери.

– Просто мы давно не жили вместе, папа... — сказала тихо ему в след Роза, но отец уже не слышал.

Роза положила свои записи в коробку на тумбочке, оделась и спустилась вниз по лестнице, стараясь не шуметь, чтобы не здороваться с матерью, которая шумно возилась на кухне.

Когда девушке это удалось, она выскользнула на улицу, наполняя легкие утренней свежестью. Солнце уже грело и освещало планету во всю.

От яркого света она прищурилась и прикрыла ладонью глаза. Медленным шагом, девушка отошла чуть влево от крыльца, и когда её глаза привыкли к навязчивым лучам, Роза увидела следующую картину: полуобнаженная фигура незнакомого молодого мужчины возвышалась над декоративным заборчиком, отделявшим их от Кунегунды и её семейства.

Незнакомец был высокого роста с чуть смугловатой кожей, отдающей куда-то в желтизну, и походил на бодибилдера-любителя. Небольшие, но удлиненные голубые глаза в расслабленном наслаждении и солнечной неге закрывались, массивная плоская челюсть выдвинулась вперед, а широкий рот с тонкими губами приоткрылся от усердия, обнажая мелкие и частые акулы зубки. Его мускулистое тело блестело от чего-то влажного, а мышцы правой руки и груди ритмично и подозрительно напрягались, перекатываясь под кожей. Объемный, завалившийся на одну сторону неряшливый горшок золотистого блонда частично прилип к невысокому лбу, тоже мокрому то ли от пота, то ли от чего-то неизвестного. Снизу что-то постоянно тонкой струйкой на него брызгало, и капли стекали вниз по его жесткому очерченному торсу. В такт своим движениям рукой мужчина покачивался всем телом на месте. Он перехватил шланг другой рукой, изрядно утомившись. Матеуш поливал грядки.

Всё это время Роза стояла неподвижно и смотрела на нового соседа, пока он не повернулся к ней. Но не успел мужчина поприветствовать девушку и улыбнуться своей хищной улыбкой, как на улицу вышел Эдуард.

– Роза! — окликнул её отец весьма строго, — почему ты тут стоишь и не идешь завтракать? Нам скоро пора выезжать к доктору Стурлссону! Мы опоздаем!

Но на самом деле Роза никуда не опаздывала, а до выезда оставалось ещё полтора часа. Но если бы девушка обернулась, то увидела бы, какой разъяренный взгляд был у её отца, только дубинки в руке не хватало.

«Что за соседи теперь у нас такие: какая-то женщина сует свой нос в чужие дела, а этот вообще поливает тут грядки, как порно-звезда!» — Эдуард так втянул носом воздух, что, казалось, вдали пошатнулись верхушки сосен, и вошел в дом.

Роза бросила недоумевающий взгляд на Матеуша и тоже проследовала внутрь.

– Доброе утро, Роза! — поздоровалась с дочерью Лидия, перенося на тарелках вафли из кухни на веранду.

– Привет, мама, — ответила ей Роза, прошла мимо и уселась за стол.

– Может, помочь, Лидия? — Эдуард с вежливостью, но нехотя, предложил свою помощь, уже делая шаг в сторону веранды.

– Да нет, дорогой, все готово почти! — Лидия улыбчиво отмахнулась.

«Дорогой...» — пережевывал в своем сознании мужчина, усаживаясь напротив Розы.

Наконец Лидия накрыла стол, разлила всем чай и уселась за свои мюсли с овсяным молоком. Роза с удовольствием позавтракала пятью кусочками сыра и четырьмя вафлями с кленовым сиропом, а Эдуард с горем пополам прикончил только две вафли и даже не притронулся к сыру. Лидия, усердно делая вид, как наслаждается уже третью неделю подряд полезным блюдом, заметила его кислое лицо и спросила:

– Дорогой, тебе не нравится?

Эдуард молча отмахнулся, пытаясь дать понять, что дело не в этом.

– Как ты смотришь на то, чтобы выкупить соседний дом? — спросил вдруг он, не сумев сделать вид, что ничем не обеспокоен.

– Ты о доме Скоптыш-Броньских? Но они ведь только приехали! — Лидия всплеснула руками, хотя ещё неделю назад сама упрекала мужа, что он не успел купить соседний участок.

– Это неважно, за хорошую сумму они продадут свой дом и купят куда лучше в другом месте, — мужчина отхлебнул воды из стакана.

– Но они такие дружелюбные соседи!

– Очень дружелюбные... — пробубнил Эдуард себе под нос.

– Я думаю, ты слишком критичен к людям, Эдуард, — закончив с мюсли, Лидия собирала тарелки.

– Мне не нравится, когда чужие люди лезут в мою жизнь и мешают моему отдыху, — муж Лидии совсем насупился, — когда поливают там свои грядки...

Роза усмехнулась, но не прокомментировала утреннюю встречу.

– Ты про Матеуша? — поинтересовалась Лидия, — он кажется вполне милым молодым человеком... Может, слегка напыщенным... Но никто не идеален, Эдуард! Дай им шанс...

Мужчина сжал челюсти, но ничего не ответил. Он посмотрел на дочь по-прежнему сердито, когда её глаза ехидно улыбались ему:

– Собирайся, Роза, нам пора.

Роза сразу же встала и вышла на улицу, посчитав себя вполне готовой к поездке. Поблагодарив жену без особого воодушевления, Эдуард подошел к зеркалу, чтобы удостовериться, не выползла ли рубашка ненавистным пузырьком на поясице, не передал ли классический галстук воротник, но его образ оказался безупречным. Сегодня Эдуард решил обойтись без геля для укладки, поэтому зачесал свои волосы в легком беспорядке назад и тоже вышел.

Его дочь стояла под цветочной аркой и внимательно разглядывала мясистые бутоны каких-то розовых цветов, название которых было ведомо только Лидии. Эдуард с юношеской легкостью подкрался сзади и, затаив дыхание, встал у неё за спиной.

– Пошли к машине, — шумно выдохнул он сердитым шепотом Розе почти в ухо.

– Что-то ты сегодня недобрый, — спокойно ответила девушка, словно ожидая его.

– Некоторые здешние обитатели уже успели испортить мне отпуск, — пробубнил мужчина себе под нос, не отходя от дочери, и несдержанно добавил, — Ох, этот Матеуш...

– Ты ревнуешь? — без смятения спросила Роза, повернув голову в сторону его дыхания.

Неожиданный испуг прокатился по телу Эдуарда, заставив его напрячься и с силой втянуть в раздувшиеся ноздри воздух.

– Нет, — его голос покрылся льдом безразличия, — просто держись от него подальше, мало ли что у него на уме...

Роза лишь пожала плечами в ответ и, прикрыв глаза, качнулась назад, но отца на прежнем месте уже не было.

По пути они не проронили ни слова, лишь Роза периодически шелкала радиоприемник, но под конец ей надоели популярные хиты, и, погрузившись в тишину, она предалась своим размышлениям.

Когда Лексус господина Ротенгофа преодолел 20 километров от Эринтсвагена, и уже огибал озеро Лауэрц-Зе, утреннее веселое солнце спряталось за облака, которые хмурились, как брови Эдуарда. Ощущалось приближение непогоды. Роза напряженно присела на сидения, скованная внезапной тревогой. Эдуард почувствовал необъяснимое беспокойство дочери, и с облегчением выдохнул, когда увидел вдали дом, предположительно принадлежавший доктору Стурлссону.

Корнелий в старомодном бежевом свитере с вязаными косичками вышел их встречать. Он стоял около ворот и активно махал руками Эдуарду, показывая, куда припарковать машину.

– Добрый день, господин Ротенгоф! Проходите скорее, кажется, природа собирается буянить, — доктор взглянул на тучи над головой и весело протянул ему руку для приветствия, но пожалел, как только ладонь Эдуарда сжала его артрозные пальцы.

Мужчина кивнул в ответ и, руководствуясь приглашением, вошел на участок Корнелия.

С тоскливой улыбкой доктор помахал рукой, унимая боль и одновременно здороваясь с его дочерью:

– Фрау Ротенгоф, рад встрече! Как ваше самочувствие?

– Я думала выяснять это — ваша работа, — сказала девушка и прошла мимо него.

Эдуард стоял около свежевскопанных грядок и осматривал владения Стурлссона:

– Недурственный участок, — заключил он, бросая недоверчивый взгляд на облезлую сетку-рабицу, — вы деньги зря не тратите, Корнелий. Вам бы только забор сменить...

– Конечно, но не все сразу, — Корнелий подбежал к дому и открыл двери перед гостями.

– Разумеется. Я думаю, вы сможете обустроить это место должным образом, — Ротенгоф интеллигентно улыбнулся и вошел внутрь, пропустив вперед дочь.

– Роза, мне необходимо будет поговорить с твоим отцом наедине, — Корнелий обратился к девушке, — это не займет много времени, пока могу предложить чаю.

– Ну, только если у вас есть печенье, — Роза перестала увлеченно разглядывать и трогать вещи Корнелия, висящие в гостиной, и обратила на него внимание.

К счастью, у доктора Стурлссона оказалось в доме печенье. И даже несколько разных видов.

Он проводил девушку на кухню, заварил чай и поставил перед ней все свои запасы, а затем удалился в свой кабинет вместе с её отцом, прихватив свою записную книгу.

Эдуард вошел, но неуместно мялся у входа, не зная, куда себя деть. Он немного нервничал. Хотя нет, он себя обманывал. Эдуард был в ужасе. Ему казалось, что на подмышках его рубашки вот-вот выползут подлые потные пятна предательства его эмоций. Он сделал лицо сердитости и безразличия, которым всегда скрывал переживания. Это немного помогло ему собраться, однако до кресла перед столом Корнелия он добрался не слишком изящно.

– Вы в порядке? — уже устроившись напротив, Корнелий взглянул на него поверх очков с подозрением.

– ...Э-э, Да...да — Ротенгоф закивал головой и нарочито расслаблено закинул ногу на ногу, но в полёте носок туфли задел мусорное ведро под столом Корнелия.

– Ох, Господи, извините! — мужчина вплеснул руками и хотел броситься приводить все в порядок, как напортачивший школьник.

– Господин Ротенгоф, ну что вы! Глупости! Я потом сам все приберу, не переживайте! — остановил его действия доктор Стурлссон.

Эдуард вздохнул, распрямился, пригладил на себе рубашку с галстуком и, снова взяв под контроль ум и тело, спокойно спросил:

– Что вы хотели спросить, доктор Стурлссон?

– Ну для начала, как таблеточки? Они, конечно, накопительного действия, но седативный эффект должен быть заметен с первого приема.

– Вы знаете, доктор Стурлссон, я не заметил ничего особенного. Роза никогда не была какой-то тревожной или слишком активной, не думаю, что ей вообще нужен этот эффект...

– Он необходим для того, чтобы у неё не случилось очередного приступа психоза, – пояснил Ротенгофу Корнелий и заглянул в свои записи, – вы ведь не были с ней тогда во время приступа?

Глаза Эдуарда скользнули вниз и влево, задержавшись там. Он успокоился и погрузился. Наконец после непродолжительной паузы он произнес:

– Я был лишь после... Но она была нормальная, она все понимала, доктор Стурлссон...

— Ротенгоф опустил голову в раздумье, — я не знаю, можно ли верить всем этим девушкам, которые видели...

– Ну, с этим мы разберемся, не беспокойтесь, господин Ротенгоф! — Корнелий располагаясь улыбнулся и снова опустил глаза в записи, — Как Роза реагирует на окружающий мир чаще всего? Бывает, что она плачет или смеется? Может, сильно взволнована?

– Нет, никогда не видел слез у неё на глазах, даже в детстве, — отец Розы нахмурился, очевидно, задумавшись, что это странно, — она никогда не хохочет, только если ехидно усмеется. Кажется, будто мир вокруг ей безразличен. А если она и взволнована, то только по какому-то неведомому другим поводу.

– Очень хорошо, — кивнул Стурлссон, и записал на свою страницу под названием «Р. Ротенгоф» «снижение аффекта», — так, продолжим: как у неё обстоят дела с семьей? Со сверстниками? Я заметил, она не слишком общительная, и я даже сказал бы, скрытная...

– Да, можно сказать, скрытность — это одна из доминирующих черт её характера, но разве это плохо, доктор Стурлссон? Я думаю, в наше время, чем меньше ты о себе, рассказываешь, тем меньше эту информацию могут использовать против тебя.

– Хм, вы правы, господин Ротенгоф, но в её возрасте молодые люди обычно стремятся поделиться с миром своими переживаниями, заявить о себе в социуме. Она ведь учится в университете, неужели у неё нет друзей, мальчиков?

– Корнелий, я её отец, а не подруга, она не делится со мной такими вещами, — Эдуард прищурил глаза, а затем печально вздохнул, — последний год, мы очень отдалились друг от друга... Из-за работы я должен был жить некоторое время в Берне... Мне очень жаль, но я ничего не знаю об её университетских приятелях. В разговорах она никогда никого не упоминала.

– Ничего страшного, Эдуард, у вас ещё есть время узнать получше свою дочь! — Корнелий записал «скрытность», и снова с улыбкой взглянул на поникшего мужчину, — а в детстве у неё были друзья?

– Нет, — однозначно ответил Эдуард, — она всегда была сама по себе, ей будто в голову не приходило играть с другими детьми, да и они как-то сторонились её. Роза всегда сама находила, чем себя занять. Лидия уговаривала её с кем-нибудь подружиться, но её слова никак не повлияли на нашу дочь. Роза больше любила складывать пазлы, разгадывать sudoku и считать примеры. Задачи она, конечно, тоже любила, но примеры она находила более отвлеченными от жизни.

– Роза учится в университете на факультете математики и естественных наук. Какие предметы её интересуют больше всего?

– Астрономия, астрофизика, астробиология...

– Понятное дело. А как у неё с успеваемостью?

— Знаете, доктор Стурлссон, когда Роза только пошла в школу, мы думали с Лидией, что она станет каким-нибудь вундеркиндом! — Эдуард усмехнулся с простодушной улыбкой, — но потом, я не знаю, она будто быстро поняла, что к чему. Что отличников все время отправляют на олимпиады, всякие конкурсы, просят написать, ну вы понимаете... А Роза просто хотела, чтобы её оставили в покое. Она хоть и решала на отлично, но только то, что требовалось, никогда не зазнавалась и не отвечала, пока не спросят...

Эдуард замолк, анализируя сведения из прошлого. Корнелий с интересом ждал продолжения.

— Мне кажется, что учеба Розу не интересовала. Она и не доставляла ей особых хлопот, но и воодушевления не приносила. Моя дочь говорила, что в школе, ей дают не то, что она хочет знать.

— А что её на самом деле интересовало?

— Космос.

Не дав Корнелию произнести последние звуки его вопроса, Эдуард выдохнул это слово, как последнее дуновение ночного воздуха в форточку перед рассветом. Стурлссон замер, словно ощущая на себе ледяной вакуум названного объекта. Бескрайним взглядом пустых глаз Ротенгоф посмотрел в окно, совсем как его дочь на приеме у Корнелия. Врач заметил эту особенность.

— В изучении космоса можно найти все ответы, которые волнуют человека, вам так не кажется, доктор? — Эдуард чуть прищурил глаза и вдохновлённый мыслью взглянул на Стурлссона, который хотел что-то возразить, но, не дав ему возможности, продолжил, — все исчезнет в беспросветной бесконечности, и люди, и планеты, и звезды, и черные дыры, и даже фотоны света... В какое пространство это все денется, и в пространство ли? Уж если мироздание и подчиняется единым законам и имеет свое начало, то искать его стоит в небесной вышине, — произнес мужчина и задумчиво поднял глаза наверх, — сколько вопросов без ответа... Мы даже не знаем, где находимся, Корнелий! Планета Земля, Солнечная система, суперсистема Альциона, созвездие Плеяд, рукав Ориона, Галактика Млечный Путь, Местная группа галактик, Сверхскопление Девы, Галактическая нить Ланиакея, Стена Рыбы-Кита, Вселенная? А что дальше, доктор?

Корнелий лишь пошлёпал губами после тирады космических объектов Эдуарда и решил не исключать пока «генетический фактор» в истории болезни Розы.

— Вы часто общаетесь со своей дочерью на подобные темы? — Стурлссон отложил ручку и подпер подбородок пальцами.

Прежде чем ответить Ротенгоф вздохнул, посмотрел вниз и поджал губы, а затем, не поднимая глаз и уводя их куда-то в сторону, с сожалением произнес:

— Мне кажется, это я виноват во всем... в этих её мыслях... Корнелий, я думаю вам известно о моей работе...

— Конечно, господин Ротенгоф, около трехсот спутников вашей компании кружат вокруг орбиты Земли, а ваши пилотируемые космические корабли нового поколения летают дальше Луны! — восторженно поделился Корнелий своими знаниями о кампании «Ротенгоф корпорейшн».

— Верно, чуть дальше Луны... — с горечью произнес Эдуард, но, отбросив печальные раздумья о недостигнутых целях, продолжил, — вы понимаете, Корнелий, я был бы плохим отцом, если бы не познакомил свою дочь с космосом...

— Вы правы, господин Ротенгоф, — мягко произнес Корнелий, — вы сделали все верно. Это уже особенности психики Розы. На месте её бредовых идей мог бы быть не космос, а что-нибудь другое, например, за последние пять лет развелось так много ипохондриков среди молодежи! Каждый десятый убежден, что болен какой-нибудь неизлечимой болезнью! Анализы ничего не подтверждают, а они все требуют и требуют дальнейших поисков! В лучшем

случае таких «больных» присылают ко мне, а в худшем высасывают из них деньги за ненужные лекарства и прочее...

Вдруг совсем близко прогремела гроза, и молния сверкнула своей опасной вспышкой в окне полутемного кабинета Стурлссона. Корнелий вздрогнул и вскрикнул одним вздохом.

– Бойтесь грозы, доктор? — как-то таинственно поинтересовался господин Ротенгоф, спокойно откинувшись на кресло, будто это была не гроза, а телефонный звонок.

– А вы?

– Знаю, что надо бы, гроза такая опасная, но меня всегда почему-то наоборот тянет на улицу, — Эдуард посмотрел в окно, мечтательно выходя мыслями из кабинета Корнелия.

– А Роза боится грозы?

– В нашей семье только Лидия верещит под звуки грома, а мы с Розой обычно над ней смеемся, — мужчина усмехнулся, вспомнив давние и примечательные моменты из жизни.

– Как у вас отношения с женой? Сколько лет вы с Лидией состоите в браке?

Улыбка тут же спала с лица Эдуарда, и его брови снова сошлись в напряженной угрюмости, — Двадцать лет. Мы были так молоды, когда я сделал ей предложение...

«О чем я думал?» — с сожалением попытался дать оценку Ротенгоф решениям своей юности.

– О, у вас сейчас непростой период в жизни: ответственная работа, взрослая дочь, стареющая жена...

Теперь вздрогнул Эдуард, но сейчас же унял свои телодвижения. Он сжал челюсти, приготовившись к «опасному» вопросу от доктора Стурлссона.

– Кризис среднего возраста, я имею в виду, — Корнелий раскинул руками, делая вид, что пропустил мимо эту вспышку страха, внезапно прокатившуюся по телу мужчины.

Напряженные плечи Эдуарда упали вниз, он несколько раз неравномерно поморгал и снова расслабился.

– Что, доктор, разве я похож на человека, который не добился своих целей? — мужчина ухмыльнулся, подперев губы согнутым указательным пальцем, но в его глазах мелькнула печаль.

– Вы один из самых успешных ученых и предпринимателей этого десятилетия, но счастливы ли вы? — Корнелий оперся локтями на стол, внимательно вглядываясь в лицо сидящего перед ним Эдуарда. За мгновение на его лице пробежало несколько разных эмоций, от тоскливой улыбки до обиженно поджатых губ. Мужчина хотел что-то сказать, но остановил себя. Ротенгоф сидел с приоткрытым ртом начатой фразы до тех пор, пока не согнал с лица лишние эмоции.

– Честно сказать, отношения с женой оставляют желать лучшего... — равнодушно произнес он, — но мы здесь, вроде как, говорим о моей дочери?

– Всё верно, господин Ротенгоф, но ваши взаимоотношения оказывают непосредственное влияние на становление характера Розы. Обстановка в семье — это очень важный аспект взросления ребенка. Родители — это агенты первичной социализации...

– Доктор, вы слышите? — Эдуард прервал нравоучительную речь Корнелия, который, наверняка, хотел сказать ещё не менее пяти предложений по поводу влияния семьи на ещё не сформировавшуюся личность.

– ...Э, дождь? Гром? — непонимающе спросил Стурлссон.

– Нет, не это... Розу не слышно. Двадцать минут назад ещё гремела керамическая посуда, и скрипели половицы, но теперь тишина... — отец девушки настороженно посмотрел на двери.

– Не понимаю о чём вы, — Корнелий нахмурился и подтянул очки к носу, — я и двадцать минут назад ничего не слышал.

Доктор намеревался продолжить свой опрос, но Эдуард вскочил с кресла и помчался двери, что-то гневно бормоча себе под нос.

Эдуард бормотал, что Корнелий излишне глуховат, но тот, разумеется, не расслышал, а лишь привстал за столом от неожиданных движений мужчины.

Ротенгоф выбежал из кабинета и в одно мгновение свернул на кухню.

Окно было распахнуто настежь, измоченные дождем занавески жалко трепыхались от неистовых порывов ветра, небольшой табурет был пододвинут к подоконнику, на нем неумолимо ширились лужи, наплаканные злыми облаками. На столе стояла пустая кружка, каждая из трех пачек печенья разных сортов пустовала наполовину, крошки, сносимые сквозняком, балансировали на краю стола. Розы не было.

Сквозняк пробежался и по коже Эдуарда, поглощая его тело своими зыбкими тревожными объятьями. Мужчина растерянно запустил руки в волосы, его глаза бегали по углам.

В это время на кухню подоспел Корнелий, который заподозрил, что что-то всё же произошло.

– Боже, мой! — воскликнул Стурлссон, прикрыв рот рукой.

Он хотел добавить «Мои занавески», но вовремя удержал этот эмоциональный порыв, посчитав неуместным в данной ситуации беспокоиться о занавесках.

– Куда она могла исчезнуть? — Корнелий то ли спросил у Эдуарда, то ли размышлял вслух.

У него было лишь одно предположение, что у Розы случился очередной приступ психоза и она могла отправиться туда, куда позовут её голоса.

– В какой стороне у вас лес? — Ротенгоф обратил к доктору сжимаемый беспокойством мрачный взгляд.

– Что? Лес? Лес там, — не слишком быстро сообразив, Корнелий все же указал рукой прямо по направлению открытого окна.

Не успел он поинтересоваться у Эдуарда, почему тот спросил именно про лес, как мужчина уже летел через подоконник.

– Господин Ротенгоф, куда вы! Гроза прямо над нами! — доктор испуганно сиганул к окну, срывающимся голосом крича Эдуарду в след.

– Я намерен найти свою дочь, доктор Стурлссон! — заглушая раскаты грома, ответил мужчина Корнелию и скрылся за калиткой.

«Господи, что же творится! Что же творится!» — оставшийся один у распахнутого окна Стурлссон нерешительно переминался с ноги на ногу. На нем был любимый свитер с вязкой «косичка» и замшевые ботинки, он боялся грозы и ненавидел ходить под дождем, но любопытство и боязнь за господина Ротенгофа и его дочь подогревали желание отправиться следом, даже не беря с собой зонтик.

Корнелий сделал ещё несколько вдохов для смелости и подбежал к окну, но тут же передумал, потому что, если бы он в силу своей возрастной неуклюжести застрял в окне, воодушевление продолжить это приключение так и осталось бы в пределах его дома. Поэтому доктор Стурлссон стремительно, но более осторожно вышел через дверь, отправившись за господином Ротенгофом.

Покинув участок, доктор заметил молниеносно удаляющуюся белую рубашку Эдуарда. Она почти полностью намочла и готова была в мгновение разойтись от яростных движений сильных рук, разрезающих порывы воздуха на пути мужчины.

– Господииин Ротенгооооф! Подождите!!!! — задыхаясь и вопя изо всей силы, нёсся Корнелий по лужам и мокрой траве.

На четвертую попытку позвать без оглядки бегущего спринтом Эдуарда, тот наконец оглянулся и увидел размахивающего руками во все стороны доктора. Ротенгоф чуть улыбнулся не бросившему его в беде доктору и немного замедлил свой скоростной шаг.

Терзаемый одышкой Стурлссон вскоре настиг Эдуарда. Не давая доктору расслабиться, Ротенгоф с прежней силой продолжил забрызгивать грязью свой дорогой костюм.

Прямо над головой зловеще прогремел голос грозы. Корнелий вздрогнул и побежал, неминусею отставая от своего спутника.

Вскоре они приблизились к лесу.

— Почему вы думаете, что она именно здесь? — переведя дух, спросил Корнелий у застывшего около первой сосны Эдуарда.

— Такое уже случалось... прошлым летом... Лидия мне рассказывала... В её голосе трепетал страх... — произнес он, делая шаг на встречу сосновой чаще, — я не уверен, что она здесь, но другого предположения у меня нет. А у вас?

— Нет... — Стурлссон мотнул головой.

— Чувствуете, как гром зовет сюда, словно его источник в самом сердце леса? — Ротенгоф загадочно оглянулся на доктора и растворился среди деревьев.

Корнелий, конечно, не чувствовал, но тоже решил раствориться. Несколько минут они молча шли вперед, задевая всякую растительность одеждой и волосами. Эдуард не обращал внимания, как ветки хлестали его по лицу, а Корнелий с омерзением морщился каждый раз, как мокрый листочек какого-нибудь пакостного кустарника дотрагивался до его руки.

Переполненный брезгливостью Корнелий не заметил, как остановился господин Ротенгоф, и врезался ему в спину. Мужчина покачнулся, но не обратил внимания. Он завороченно смотрел вверх.

Корнелий протер забрызганные каплями дождя стекла, надел очки и тоже поднял голову.

На вершине сосны вниз головой, словно спящая летучая мышь, висела Роза. Она держалась за ветку одними ногами, а усталость мышц и прочие неприятные ощущения, по-видимому, совсем не беспокоили девушку. Мокрые волосы свисали с её головы в двадцати метрах от земли и слегка покачивались от воздушных порывов на высоте. Дождь стекал по лицу. Глаза фрау Ротенгоф были умиротворенно закрыты.

— Роза... — вырвалось из груди потрясенного Эдуарда.

Роза услышала то, чего меньше всего хотела услышать. Если раздался этот звук, значит весь путь, который она проделала сюда, был зря. А так непросто залезть на сосну.

Девушка медленно открыла глаза, зная, что ожидает её за веками. Внизу под ногами клочкотало суровое грозное серо-синее небо, а капли воды уносило наверх, там же качались от сильного ветра другие сосны и мокрая трава клонилась к земле. Роза чуть запрокинула голову и увидела, как у ствола дерева, с вершины которого она могла наблюдать, — её отец в рассерженной панике махал руками, а рядом бесцельно мялся доктор Стурлссон, опасливо поглядывая на неё.

— Роза! Боже мой, что ты творишь! — кричал Эдуард дочери с земли, — спускайся сейчас же!

Мужчина разъяренно треснул кулаком о ствол. По дереву пробежала глухая волна его удара, гром вторил гневу Эдуарда. Роза лишь закатила глаза, как будто её отвлекали от увлекательной лепки из пластилина, чтобы она помыла посуду.

Ротенгоф намеревался лезть за ней. У его дочери по этому поводу были смешанные чувства.

«Я конечно рада, что ты так заботишься обо мне, пап, и понимаю, что любой нормальный родитель был бы в ужасе, если его ребенок висел бы на дереве верх ногами в паре десятков метров от земли, но, пожалуйста, не сейчас! — девушка чуть качнулась на ветке и ухватилась за неё одной рукой, — эх, ладно, все равно, уже не имеет значения...»

— Господи, Эдуард, что вы... — испуганно воскликнул Корнелий, бегая вокруг мужчины, закатывающего рукава и выбирающего за что ухватиться на облезлом стволе сосны, — Вы собираетесь наверх?!

— Именно так, — процедил Эдуард сквозь зубы, вставая на какой-то гнилой пень.

Найдя не слишком примечательный сучок сомнительной прочности, мужчина резким прыжком оторвался от земли и ухватился за него, поднимаясь чуть выше и цепляясь за соседний. Мокрая и забрызганная грязью рубашка треснула по швам от такой экстремальной активности. Ротенгоф медленно поднимался вверх, опасливо опираясь ногами на хилые сучки и держась руками за более внушающие доверие. Редкие капли дождя ударяли ему в лицо, мужчина жмурил от них глаза, периодически отбрасывая мокрые волосы, прилипающие к лицу. Корнелий продолжал бегать вниз, хотя, наверное, сам знал, что даже белку, упавшую сверху, поймать бы не смог.

Роза тем временем присела на ветке, как птица, ожидая, когда могучий родитель взгромоздит её к себе на спину.

Эдуард добрался до кроны. Он ухватился за сук, переводя дух.

– Роза, держись, — мужчина протянул ей руку.

Девушка как можно сильнее сжала локоть отца и перепрыгнула с ветки к нему.

– Держись за плечи и не отпускай меня, пока не приблизимся к земле, — сказал он ей, аккуратно пробуя на прочность другие сучки под ногами.

– Хорошо, отец, — прошептала она ему в ухо, чуть касаясь влажной от дождя кожи.

Роза обвила ногами бедра мужчины со спины, перекинула одну руку через шею, ухватившись цепкими пальцами за плечо, а вторую положила на ритмично сокращающийся от напряжения торс. Её ладонь чувствовала тяжелое дыхание Эдуарда и перекачивающиеся под мокрой одеждой упругие мышцы пресса.

Ротенгоф прерывисто выдохнул, с трудом сглотнул, чуть покачнулся, а затем продолжил уверенно двигаться к земле.

Оставалось всего пять метров, когда неожиданно все стало ослепительно ярким и громким, будто в уши стрельнули из пистолета.

«Небо падает, небо падает, лес, лес, лес, распад атомных ядер, поглощение живых частиц энергией, энергией, $E=mc^2$, эволюция, преобразование энергии вселенной...ох, Эдуард...» — вот как могла охарактеризовать Роза то, что происходило у неё в голове в тот момент, когда она в свободном падении летела вниз.

Девушка упала спиной на землю, размышляя о том, что всё же это лучше, чем ничего. Она повторила вслух, как заклинание, ещё раз этот набор слов, чтобы лучше запомнить. Эти первичные словесные ассоциации — всё, что оставалось от образов, ускользающих из её сознания.

Роза хотела начать повторять по второму кругу, но на «...энергией, энергией» внимание девушки отвлекла в суматохе бегающая вокруг чего-то лежащего на земле мужская фигура. По его неловким движениям было понятно, что это не кто иной, как доктор Стурлссон. Стурлссон бегал вокруг Эдуарда. Тот не шевелился. Корнелий присел рядом, постаравшись выбрать более чистое место. Как только Роза смогла оценить текущую ситуацию, она молниеносно вскочила и уже через мгновение стояла рядом.

Тело её отца не шевелилось, но глаза были открыты. В них взрывался сонм ужаса, благоговения и какой-то неведомой безграничной силы, которой было тесно в его глазных яблоках, потому она заставляла бешено носиться его зрачки без какой-либо особой траектории.

Роза отогнала Корнелия, который силился оказать первую помощь, и встала на колени рядом с Эдуардом. Сердце мужчины стучало со скоростью пулеметных выстрелов, но грудная клетка не поднималась, словно страх сковал его легкие, не позволяя вдохнуть. Лицо Ротенгофа краснело, сухожилия на шее изогнулись под кожей, ноздри механически раздувались, пытаясь своей силой втянуть воздух.

Девушка аккуратно взяла лицо отца в свои ладони.

– Эдуард! — сказала она очень серьезно, нахмутив брови и пытаясь остановить на себе неумный бег его значков.

– Эдуард! — повторила она, почти крича на отца.

Роза ощущала, как сжимались мышцы его челюсти. Она приблизила свое лицо к лицу мужчины, почти касаясь своим носом его, и со злобным напряжением в голосе процедила сквозь зубы:

– Эдуард!

На мгновение она поймала его взгляд. Эдуард дернулся и, чуть сгибаясь в произвольном импульсе, втянул воздух, будто несколько минут провел под водой. Роза только успела отодвинуться. Ротенгоф, всё ещё тяжело дыша, снова лег на землю. Его немного потрясывало.

Руки девушки проскользнули по его влажным от мокрой травы плечам, и Роза поднялась на ноги, кивком головы показывая доктору Стурлссону продолжить приведение в чувства её отца.

Грудь Эдуарда высоко и часто поднималась, ноги ерзали по земле, он ворочал головой по сторонам, но ничего не говорил. Стурлссон снова присел рядом с ним и, пытаясь смирить произвольные движения его тела, стал наговаривать что-то умиротворяющее. Роза повернулась к лесу, вдыхая запах уходящего дождя.

Эдуард перестал дергаться и почти пришел в себя, поэтому доктор Стурлссон решил оповестить его о произошедшем:

– Господин Ротенгоф, всё в порядке, главное — вы живы, сквозь вас ведь прошла молния...

– Что? — осипшим голосом заговорил мужчина, приподнимаясь на локтях.

– Ну, пока вы спускались с дерева, в вас попала молния, вы упали на землю и пролежали тут около двух минут в полусознательном состоянии...

– А что с Розой? — Эдуард беспокойно огляделся.

– С ней все хорошо, — сказал Корнелий, чуть отклоняясь в бок, показывая мужчине его дочь, — ей удалось привести вас в чувство.

Ротенгоф нахмурился, отвел глаза в сторону, словно заглядывая внутрь себя, что-то мысленно произнес, едва заметно мотая головой.

– Это не могла быть молния... — сказал он, не поднимая глаз, — я не чувствовал удара тока, я не чувствовал боли, ничего...

– Хотя такое и случается, однако молнии ударяют в людей не слишком часто, и у всех разная реакция, — говорил доктор, помогая мужчине присесть, — вам крупно повезло, что вы остались живы! Конечно, вполне вероятно, что у вас могут быть головные боли, шумы в ушах, шрамы от разрыва сосудов в виде фигур Лихтенберга... Ожоги?

Стурлссон внимательно осмотрел сидящего Эдуарда, который затем тоже решил поинтересоваться своим внешним видом. Однако оба увидели лишь подгоревшую штанину.

– Вы точно уверены, что это была молния? — недоверчиво взглянул Ротенгоф на врача, совсем приободрившись.

– Я же своими глазами видел! Это была вспышка с неба... И прямо в вас! И все вокруг на мгновение стало такое яркое! И вот уже вы летите вниз, — глаза Корнелия были распахнуты пугающими воспоминаниями.

– А как же моя дочь? Молния бы прошла и через неё тоже.

– Может, она упала раньше, чем вас ударило?

– Нет, это какая-то бессмыслица, — пробубнил мужчина, поднимаясь с земли.

Корнелий хотел его подхватить, но Эдуард ловко справился сам.

– Роза? — чуть качаясь, Ротенгоф позвал дочь.

– Я тоже видела это, — тихо произнесла девушка, не оборачиваясь, но повернув голову влево.

«Что?» — застыло на губах Эдуарда.

– Господин Ротенгоф, давайте скорее возвращаться, думаю, нам стоит вызвать скорую помощь! — перебил его Корнелий.

– Нет, не нужно скорую, я в порядке, — Эдуард замотал головой, — я нормально себя чувствую, правда.

– Но у вас может быть болевой шок! — Корнелий опасно заохал.

– Хорошо, я согласен, пойдёмте отсюда, а если это будет необходимо, то вызовем врачей... — утомленно сказал Эдуард, поворачиваясь в сторону дома Стурлссона.

Неохотно сняв с себя любимый свитер, Корнелий протянул его извозившемуся в земле мужчине, — наденьте пока, а то простудитесь.

Ротенгоф задержал взгляд на лице доктора, и, узрев тоскливое прощание, перевел глаза на чистые бежевые шерстяные косички:

– Да, нет, мне не очень холодно, я не хочу пачкать ваши вещи, лучше подожду до вашего дома, а там я не откажусь от душа и чистой одежды.

Эдуард протянул свитер обратно, и блеск радости, тщательно скрываемый Корнелием, промелькнул в его глазах.

– Разумеется, господин Ротенгоф! — ответил он оживленно.

Стурлссон пропустил Розу вперед за отцом, чтобы проследить, как бы она опять чего не учудила, потому что ни он, ни господин Ротенгоф не хотели бы сегодня снова пробежаться по лесу под дождем.

Быстрым шагом лесная команда добралась до дома доктора Стурлссона. Корнелий проводил чуть дрожащего, но упорно это скрывающего Ротенгофа в ванную, а затем решил поскорее разыскать ему чистые вещи.

Роза сидела на диване в гостиной и не слишком беспокоилась о следах непогоды на своей одежде, которая, однако, не была промокшей насквозь в отличие от одежды отца, упавшего в самую лужу.

Когда Корнелий отыскал среди привезённых вещей те, которые без сожаления, он, возможно, отпустит навсегда, доктор вернулся к девушке, и, наклонившись к ней и опершись руками на колени, с едва скрываемым осуждением спросил:

– Что это было, Роза?

Роза подняла на доктора равнодушные глаза.

– Я устанавливала связь, — она точно знала, что для Корнелия эти слова ничего не значат.

– Какую связь? С кем? — Корнелий присел на корточки перед ней, его самообладание опытного психиатра вновь вернулось, и речь стала более сдержанной и нейтрально-окрашенной.

– С теми, от кого получаю сигналы, — девушка наклонила голову вбок, с наигранной глупостью разъясняя доктору.

– Точно, сигналы! — Корнелий вспомнил концепцию её устойчивого бреда, — но почему в лесу и во время грозы?

– Если бы я знала, доктор, то не ходила бы в лес... — продолжала Роза, однако немного недоговаривая.

Корнелий прищурил глаза и задумчиво посмотрел влево, но, когда назрел новый вопрос, из ванной вышел господин Ротенгоф с недовольным лицом и полотенцем на бёдрах. Все с интересом на него оглянулись.

– Вы обещали дать мне чистую одежду... — неуверенно произнёс мужчина, капли воды стекали по его телу и капали на деревянный пол.

– Да, да, конечно, я вам кое-что нашёл, пойдёмте наверх.

Стурлссон вскочил и поспешил сопроводить Эдуарда, пока он не намочил все вокруг. Роза проводила мужчин взглядом.

Корнелий пригласил Эдуарда войти в свою спальню. На кровати в аккуратном порядке лежало что-то в старомодном стиле доктора Стурлссона. Но господин Ротенгоф не спешил переодеваться. Он сел на край кровати, обеспокоенно опустив плечи. Корнелий подозрительно выглянул за двери и захлопнул их. Доктор обернулся к сидящему мужчине, и его сердце сжалось от боли: мокрое пятно от Ротенгофа простиралось уже гораздо шире занимаемого им места, но он не решился потревожить мужчину.

– Господин Ротенгоф, как вы себя чувствуете? Вы уверены, что вам не нужно в больницу?
— Стурлссон беспокойно присел рядом чуть поодаль от мокрого пятна.

Губы Эдуарда дернулись, и по всему лицу перекатилось напряжение, глаза нерешительно забегали, рот приоткрылся. Стурлссон нетерпеливо внимал его немой мысли. Он не дышал, словно боясь её спугнуть, как рыбку, привлекающуюся на приманку.

Эдуард хотел что-то сказать, что-то важное и нелегко произносимое вслух, но вдруг все мышцы лица замерли и в мгновение расслабились, взгляд стал пустым и потерянным. Рыбка ускользнула.

– Всё в порядке, Корнелий, правда... — невнятно и тихо произнес мужчина, едва заметно мотая головой.

Стурлссон сжал губы, зная, что это не так, но допрашивать его не стал. Господин Ротенгоф и без того был измотан.

– Ладно, господин Ротенгоф, одевайтесь и спускайтесь вниз, — Корнелий неуверенно похлопал его по влажному плечу и тут же одернул руку.

Эдуард кивнул, поднялся и взял вещи. Стурлссон уже подошел к двери, когда тот скинул полотенце.

– Я думаю, Розе стоит прописать более сильные антипсихотические пре..., ой! — пробормотал Корнелий, оборачиваясь, но чуть подпрыгнув и пошатнувшись, облокотился и выпал за двери.

– Как скажете, доктор, — не изменившись ни в лице, ни в голосе произнес господин Ротенгоф ему в след, натягивая старомодные серые брюки.

Притяжение частиц

— И что же несут эти сигналы? Тайны Вселенной? — Стурлссон хитро сузил глаза под стеклами очков и приблизил лицо к девушке.

— Роза, нам пора, — в двери появился Эдуард в большой не по размеру клетчатой фланелевой рубашке, перетянутых на талии ремнем брюках, горчичных ботинках и суровом расположении духа. Не церемонясь и не взглянув на свои старые вещи, он бросил жалкий кулек в урну, стоящую рядом. Мужчина поднял на дочь взгляд, отягощенный мыслями о событиях сегодняшнего дня.

— Ну что ж, доктор Стурлссон, значит, тайны вселенной подождут, — Роза иронично развела руками и послушно встала с кресла.

Корнелий вздохнул, а его меткий вопрос рассеялся туманом неясности с его дыханием.

— Спасибо, доктор, за вещи, при встрече обязательно верну, — кивнул Ротенгоф и направился к двери, — до свидания!

Корнелий кинулся его провожать, но мужчина уже вышел на улицу, а его дочь незаметно выскользнула следом.

Шестнадцатый час этого дня подходил к своему завершению, и хотя обычно в это время августовское солнце ещё лениво скользило по верхушкам деревьев, сейчас от томящейся серой облачной массы над озером Лауэрц-зе было очень мрачно. Ветер утих, влажный лес пах грозовой чистотой.

В безмолвном напряжении пассажиров Лексус господина Ротенгофа выехал на трассу. Роза ещё несколько раз повторила в голове «Небо падает, небо падает, лес, лес, лес, распад атомных ядер, поглощение живых частиц энергией, энергией, $E=mc^2$, эволюция, преобразование энергии вселенной... Ох, Эдуард...», разложила в своем сознании эти понятия, пытаюсь осмыслить каждое из них по отдельности.

«Небо падает, небо падает» думаю, стоит оставить на дальнейшее рассмотрение, — решила девушка, — у меня нет никаких догадок по этому поводу. Может быть, информационный поток имел совершенно другое содержание, однако мое сознание смогло породить только эти словесные ассоциации. Скорее всего, это связано с космосом. Ведь за небом космос... Хм, лес? Ну, с леса все и началось! Всегда нужно идти в лес, там всегда произойдет что-нибудь целесообразное. Поглощение частиц — с этим будет потруднее. Я полагаю, что здесь есть связь с разложением атомов моего тела, при условии, что оно ещё состоит из атомов. Может, оно состоит из тех потоков энергии, которые взаимодействуют... Нет, не взаимодействуют. Они проходят сквозь все пространство и передают мне эту информацию...»

Последние два понятия из ряда особенно беспокоили Розу, так как ей казалось, что именно в них кроется смысл всего того, что с ней происходит. Но Роза была уверена, что нечто извне, чему она дала весьма абстрактное, но исчерпывающее понятие «блуждающие токи», руководит ещё непостижимым ей процессом. Их коммуникация — трансцендентное знание для человечества, и только такие как она, могут ловить эти неясные сигналы, а может, только она, и эти сигналы ей? А «Ох, Эдуард?» — может, поэтому её отец такой напряженный?

Роза решила переписать свои мысли на листы и пытаться познавать все это не по отдельности, а в совокупности, и тогда, вполне вероятно, из осколков мозаики соберется воедино картина понимания.

Она завершила рефлексивный сеанс и откинулась на сидение, ткнув на панель, чтобы включить радио.

Через мгновение Эдуард стукнул эту же кнопку с силой сдержанного раздражения.

— Ой, какой ты скучный! — Роза сморщила нос и отвернулась к окну.

Мужчина ничего не ответил, но начал сбавлять скорость.

—Черт! — разочарованный шепот вырвался сквозь его губы.

Перед ним на трассе, перегорев всю дорогу, лежала большая сосна, которая, очевидно, рухнула от удара молнии. Вокруг не было ни души, только поле слева, сосновый лес справа, сочувствовали уставшему Эдуарду своим природным молчанием.

— Что мы будем делать?

— Звонить в дорожную службу! Что же ещё! — Ротенгоф ударил кулаком по рулю, и стал искать положенный в карманы чужой одежды телефон, — или ты хочешь провести ночь посреди леса?

Роза пожала плечами, считая эту идею не такой уж плохой, но отец не обратил на её мнение внимание.

— Алло? На Шлагштрассе в шести с половиной километрах от озера Лаурерц Зе упала сосна и перегорела путь! Срочно пришлите дорожно-эксплуатационный отряд!

— В крайнем случае, можно вернуться обратно, к доктору Стурлссону, — предложила Роза.

— Нет необходимости, они будут тут через пятнадцать минут.

Мужчина облокотился на сидение, безучастно направив свое внимание куда-то за лобовое стекло. Роза подперла щеку рукой, и решила поискать в окружающем пейзаже безмолвного собеседника. Высокие сосны сонливо качались под вечернюю мелодию ветра, дикая зеленая пушистость поля томно клонила к земле, волнами своих прядей подпевая теплым дуновением. На дороге по-прежнему царило одиночество. Казалось, будто время замерло, и только мрачные облака беспокойно бежали по небу, напоминая о движении бытия на Земле. Роза задумалась: существует ли время в каждом уголке вселенной? Но не успела она попробовать представить, в каких формах может существовать вселенная без времени, как вдруг отец повернулся и строго спросил:

— Может быть, ты объяснишь мне, что произошло?

Девушка повернулась к нему, вскинув брови:

— Объяснить? Ты получил то же, что и я. Другое дело, вступишь ли ты эту информацию в свое сознание или нет.

Но Эдуард ничего не ответил. Роза не стала переспрашивать. Отец должен был сам прийти к пониманию, иначе он просто передаст эти сведения доктору Стурлссону в оправдание её психоза, а Роза уже порядком утомилась от его вопросов. И зачем она вообще ему что-то рассказывает? Чтобы просветить человечество?

Пока Роза размышляла, стоило ли ей вообще не то, что раскрывать свои секреты, а даже намекать на них, подъехал трактор. Когда Роза пришла к выводу, что, возможно, и выбора у неё не было, кроме того, как корчить из себя сумасшедшую, чтобы избежать ответственности за её весьма сомнительные эксперименты, дорожная служба быстро и профессионально расправилась с сосновой преградой, и, оттащив её на обочину, уже катила восвояси.

«Ну вот, сейчас наконец поедем!» — подумала девушка, изрядно утомившись сидеть в машине и проголодавшись. Но машина продолжала стоять на месте.

Роза с недоумением перевела взгляд на отца. Эдуард неподвижно застыл, положив руки на руль, и, хотя его глаза были открыты, казалось, что всё произошедшее за эти десять минут пронеслось мимо него. Взгляд был направлен на какой-то объект прямо перед ним, но перед ним ничего не было. Из приоткрытых губ вытекало теплое, но едва уловимое дыхание. Никогда Роза не видела своего отца таким отсутствующим в реальности.

— Папа? — тихо спросила девушка, но даже зрачки Ротенгофа не пошевелились.

— Отец? — чуть более громко и строго сказала Роза, но это не изменило ситуацию.

— Эдуард! — нахмутив брови, дочь почти кричала, но Эдуард ничего не слышал.

Она замолкла и наклонилась со своего сидения к подозрительно замершему отцу, внимательно разглядывая его лицо. Он дышал и моргал, но не был сконцентрирован на этом. Его

подбородок расслаблено опустился вниз, а щеки впали ещё сильнее. Глаза едва заметно сужались, словно стараясь рассмотреть что-то невидимое перед ним, но зрачки были так расширены, что его светлые глаза казались темными. В хмурости бровей отражалась какая-то неведомая борьба. Приоткрытые губы слабо и медленно шевелились, но едва хотели выразить мысль.

«Очевидно, какой-то необычный познавательный процесс, — заключила она, любуясь задумчивым мужчиной, — однако я с таким не встречалась...»

Медленно и осторожно девушка поднесла свою левую руку к лицу мужчины, боясь надломить тонкую грань между разумом Ротенгофа и реальностью.

Через мгновение она ощутила тыльной стороной среднего и указательного пальцев тепло его кожи и мягкость незаметного пушка на его острых скулах. С неторопливым увлечением катились её пальцы вниз по их анатомическому строению, и когда они вот-вот были готовы соскользнуть в томительную бездну под выступающей костью, Роза прошептала:

– Эдуард...

Эдуард дернулся, охнул где-то в глубине тела и резко повернул голову на дочь. В его глазах был испуг и пренебрежение, словно он не узнал Розу. Мужчина нелюбезно и неловко отмахнул её руку от себя, будто это была артрозная кочерга какой-нибудь домогающейся до него старухи.

Роза отшатнулась от отца с непониманием и обидой. Девушка недоумевала, откуда такая дурная немилость.

Ничего не ответив по поводу своего странного поведения, Эдуард стремительно завел машину и на высокой скорости умчался в путь.

Полчаса назад «Любовник леди Чаттерлей» остался лежать в одиночестве на заправленной постели. Лидия с презрительным сомнением выбирала на кухне сковородки. К приезду мужа и дочери госпожа Ротенгоф намеревалась смачно подрумянить сосиски братвурст на их новенькой электроплите. Обычно кулинарными делами у них с Эдуардом занимался личный повар, но и Лидия была вполне себе хозяйственной женщиной. Отменно у неё выходили соленые крендели и картофельное рёшти, однако сама Лидия всегда предпочитала сытным углеводным блюдам большую тарелку салата. Муж шутливо называл её салатным мастером, так как каждый раз ужин она встречала новым овощным сочетанием. Если ужин готовил повар, то Лидия всегда отдавала ему подробные распоряжения насчет приготовления того или иного собственноручно составленного ею рецепта.

Этой стройной не по годам женщине легко удавалось нюхать мясные ароматы сочных колбас и укладывать в корзину нежные кексы, но никогда не пробовать ни кусочка. Лидия вела себя так, будто это были вовсе не съедобные вещи. Она часто убеждала окружающих, что у неё пищевая аллергия на шоколад, коровье молоко, яйца, орехи и даже злаки, что только она съест кусочек сыра и ей уже делается дурно. Однако наукой это не было подтверждено.

Периодически Эдуард напоминал ей, что всё-таки иногда стоит есть что-то кроме мюсли и огурцов, но женщина очень болезненно на это реагировала, приводя в пример своих разросшихся в ширину ровесниц.

В косметичке у неё всегда лежал сантиметр, а напольные весы Лидия брала в каждое путешествие. Ей годами удавалось сохранять юношескую стройность, но грани она не видела.

И лишь когда волосы её стали выпадать клочьями, ногти болезненно ломаться, а падения стали чаще приводить её в отдел травматологии, госпожа Ротенгоф, скрипя зубами, начала есть отварную куриную грудку и перестала жаловаться на тошноту от сыра.

Лидия чуть набрала вес, что очень понравилось Эдуарду, потому что кости уже меньше кололи его в постели, но женщина была в ужасе, однако вынуждена была смириться.

Она по-прежнему оставалась чрезвычайно стройной женщиной, бросающей неоднозначные взгляды на пирожные. И когда Лидия оставалась одна, она обязательно готовила не столько чтобы порадовать мужа, сколько ощутить свою власть над сосисками.

«Что вы смотрите на меня, куски мяса? Думаете, я хочу ощутить во рту ваш обжигающий сок, надкусить хрустящую корочку? — произнесла женщина, не издавая ни звука, переворачивая на сковороде хлопающие в растительном масле сосиски, — у меня сегодня на ужин гречневая крупа на соевом молоке!»

Мысль о соблазнении её вкусовых рецепторов манящим калорийным блюдом была неприемлемой для её сознания. Поэтому она высокомерно насмеялась над едой в задымленной от томящихся в духовке кренделей и ворочающихся на сковороде сосисок кухне.

Вдруг до Лидии донесся шум подъезжающей к их дому машины. Женщина сразу узнала автомобиль мужа, но встречать не побежала: пусть он найдет её хлопочущей на кухне.

Через три минуты парадные двери в прихожей экспрессивно распахнулись и, словно призрачный демон, в них влетел Эдуард с недобрый лицом, целенаправленно спеша к лестнице.

— Эдуард! — с негодующей печалью Лидия в цветочном переднике выскочила из кухни с приветственным призывом, но увидев его наряд, сменила тему, — Боже мой, что на тебе надето?

— Неважно... — процедил сквозь зубы мужчина, сердито топая горчичными башмаками наверх.

— Ты спустишься на ужин? Я приготовила братвурст и твои любимые крендели!

— Я не буду сегодня ужинать! — прорычал муж, чуть ускоряясь.

— Я буду! — следом за Эдуардом из дверей показалась Роза.

Она тоже выглядела не слишком радостной, но упоминание о еде заставило её приободриться.

— Ладно, помой руки и проходи на кухню, — разочарованно произнесла Лидия, возвращаясь в задымленное царство пищи.

Наверху муж громко хлопнул дверью, а Роза быстренько заглянула в ванную на нижнем этаже и напрямик проследовала на кухню в ещё немного влажной от дождя, но не слишком докучающей мокротой одежде.

Пока дочь с молчаливым удовольствием уплетала две крупные сосиски, одна из которых предназначалась ранее Эдуарду, периодически похрустывая свежестью салата Айсберга, Лидия прислонилась к шкафчику с кухонными приборами и уныло смотрела в пол, не интересуясь даже гречей с соевым молоком.

Она чувствовала себя подавлено, не только потому, что муж не оценил её кулинарные навыки. Женщина не знала, как к нему подступиться и стоит ли подступаться вообще. Эдуард редко был таким злым, он мог быть сердитым и молчаливым, тогда она делала вид, что ничего не происходит. Лидия чувствовала, что, если она будет копаться в делах мужа, то непременно назреет конфликт. Она всегда начинала ощущать гнетущую тревожность при мысли о конфликтах, особенно со своим мужем. Было в нем что-то пугающее. Ей казалось, нажми она какую-нибудь не ту кнопку, и он взорвется, сжигая дотла и её. Но такая игра с опасной гранатой в руках, будоражила её и невероятно влекла к этому мужчине. В один момент она оступится и попадет в неизведанную власть его угрозы.

В мелком упреке же была её власть.

«Не сиди в телефоне, не говори о работе, не задерживайся до ночи, отвези меня на пилатес, купи новую плиту, шубу, сковородку, заведи дочь из школы, будь милым с моей матерью, пригласи наших друзей на выходные...» — Эдуард лишь скрипел зубами, но выполнял свои семейные обязанности, пока Лидия умело и осторожно выклевывала ему мозг, чтобы он был таким, как ей нравится.

Но двадцать лет совместной жизни безвозвратно изменили обоих супругов. Легкая и наивная Лидия, влюбившаяся в мечтательного изобретателя Эдуарда, который обещал ей построить дорогу к звездам, стала скептическая и подозрительная. Эдуард на самом деле строит дорогу к звездам и весьма успешно, но не для неё. Когда романтическая поволока влюбленности стала оттираться с глаз, Лидия начала задумываться, а почему этот мужчина вообще выбрал её. Почему он до сих пор с ней?

Она сотни раз подозревала мужа в измене, но, устроив очередной скандал, всегда оставалась с пустыми руками, неловко ухватившимися за ложные сведения.

Мысль о том, что Эдуард был слишком хорош для неё, а она слишком заурядна для него, горькой слизью сползала по темным стенкам сознания, но никогда не была поднята в голове Лидии для анализа.

– А где крендели? — поинтересовалась Роза, покончив с сосисками и салатом.

Лидия негодуяюще встрепенулась от своих мыслей и молча поставила корзину с выпечкой перед дочерью.

Дочь прихватила три штуки и, опуская ноги со стула, без особой эмоциональности поблагодарила мать:

– Спасибо за ужин.

Уголки губ Лидии неискренне сморщили впалые щеки. Роза уже не смотрела на неё, потому что направлялась вверх в свою комнату, чтобы лежать на столе, есть крендели и наблюдать, как темные облака принесут мрак ночи в Эринтсваген.

Лидия с отягощенным грустью трудом съела несколько ложек гречи, помыла посуду, посидела немного без дел и мыслей в тишине, и когда, в окно уже заглядывало сонливое завершение дня, женщина тоже поднялась вверх.

Лидия нашла мужа то ли бесцельно слонявшимся в коридоре, то ли затаившимся у дверей дочери.

– Что ты тут делаешь, Эдуард? — достаточно громко спросила его жена с недоумением.

Застигнутый врасплох Ротенгоф вздрогнул, обернулся, но тут же возмущенным шепотом ответил:

– Она опять раскладывает свои записи!

– А ты хочешь ей помочь, я не понимаю?

– Я пытаюсь проследить логику её мысли, может быть доктору Стурлссону это поможет лучше понять заболевание Розы.

– Ну и как она там раскладывает? — Лидия подошла ближе, чтобы заглянуть в приоткрытую дверь.

– Тихо! Не подходи! — зашипел на неё Эдуард, — ты её своим шумом отвлечешь!

– А ты, значит, не отвлекаешь! — Лидия, однако, остановилась и повернула в их с мужем комнату.

– Я не двигаюсь с места уже давно!

– Господи, Эдуард, хватит ерундой заниматься, иди спать! — недовольно ответила ему жена.

– Уже иду, только проверю, закрыта ли форточка в кабинете.

Лидия ничего не ответила на это и только захлопнула за собой двери их спальни.

Эдуард не мог, заглянув в свой кабинет, просто закрыть форточку и вернуться, он обязательно застрянет там минут на пятнадцать, разглядывая свои бумаги и думая о вечном. Его можно не ждать, если муж вдруг найдет свою старую записную книгу с неосуществленными проектами: он будет всю ночь сидеть и сокрушаться о минувшем, пытаясь составить новый бизнес-план для претворения этих проектов в жизнь.

Поэтому, когда Ротенгоф вернулся в спальню, Лидия уже приняла душ, почистила зубы, переделалась в хлопковую сорочку до колен и собиралась накрутить на влажные волосы бигуди.

— Зачем ты эти глупые штуки надеваешь себе на голову? Мы же на даче! — простодушным голосом спросил Эдуард, неожиданно подходя к жене сзади и сцепляя руки на её хрупкой талии.

— Эдуард! — Лидия раздраженно попыталась разомкнуть кольцо его мышц, но муж слишком крепко сжал её тело, — отпусти меня, ты мне мешаешь!

Рука мужчины стремительно проскользнула между её бёдер, нещадно комкая сорочку на своем пути.

— Ох, Эдуард, — Лидия прерывисто вздохнула, положив свою руку поверх его, — не сейчас... Я устала.

— Ты всегда устала! — Эдуард раздосадовано отстранился и молча повернулся к шкафу, занявшись избавлением своего тела от нелепой рубашки Корнелия.

Не говоря ни слова, он скрылся в ванной на некоторое время, а Лидия, между тем, забыла про его неудовлетворенные желания и продолжила докучивать бигуди.

Женщина устало и безрадостно поглядела на себя в зеркало, не понимая, как можно испытывать какое-то влечение к этим морщинам.

Лидия выключила свет, не дожидаясь мужа, и направилась к постели. Плотные тяжелые облака залепили небо, и лунный свет не мог пробиться сквозь них, чтобы хоть как-то осветить происходящее на Земле. В комнате царил беспросветный мрак, поэтому женщина, глаза которой ещё не привыкли к нему, осторожно и сосредоточенно шагала наощупь, босой ногой касаясь деревянного пола перед собой.

Вдруг из темного пространства на Лидию налетела крупная фигура, и мощью своего тела придавила её к стене. Падение испуганного сердца не успело вылететь криком из её груди, широкая ладонь намертво стиснула рот женщины.

Лидия подняла глаза на своего захватчика из мрака. Эдуард прижал к стене её голову своим лбом, она чувствовала его горячее дыхание на своем лице. В темноте белки его глаз хищно поблескивали. Мужчина, не отрываясь, смотрел на неё, но ничего не говорил. Его тело было жарким и влажным, женщина не могла сказать, сколько одежды на нём осталось в данный момент.

Лидия постаралась оторваться от стены, оттолкнувшись ограниченными в движении руками, но её попытка была тут же прервана грубым толчком Эдуарда, обратно швырнувшего её к стене. Женщина больно стукнулась своими костями о деревянную панель, волна от удара пронеслась по всему дому.

— Не шуми! — Эдуард прошипел ей в губы, словно дьявольский змей, — разбудишь Розу.

Лидия вздрогнула и замерла на месте. В этот момент она боялась своего мужа. Он вел себя так пугающе, лишь однажды. То была жестокая ночь, и Лидия не хотела бы её повторить или никогда бы не призналась себе, что хотела.

Ротенгоф замахнулся на неё рукой, и женщина зажмурила глаза. Его кулак, стремительно подлетая к её лицу, замер в последнее мгновение, трясаясь от неведомой силы, что управляла мужчиной в этот момент. Эдуард, едва касаясь, провел большим пальцем по губам жены, держа её за подбородок. Лидия не смела открыть глаза. Подушечки его пальцев аккуратно прошлись по её шее, проскальзывая под круглый вырез сорочки. Мужчина стянул бретельку и оголил плечо женщины.

Лидия чуть приоткрыла глаза, но не поднимала. На её муже не было никакой одежды.

Эдуард увидел, что жена рассматривает его, злорадно улыбнулся и поднял её лицо наверх, чуть придушив. Лидия захрипела, от такой хватки, но Эдуард быстро опустил её шею и прикоснулся к ней губами, кончиком языка прокладывая дорожку к обнаженному плечу.

Сквозь её приоткрытые засохшие от частого испуганного дыхания губы вырвался едва слышный стон. Ужас и наслаждение смешались у Лидии в груди, капая своей ядовитой смесью вниз и стекая липким кипятком между бедер.

Зубы мужа прикусили её бледную кожу. Лидия потянула свою руку, чтобы дотронуться до его мокрых волос в темноте. Но Эдуард резко схватил её за запястье и увел наверх, давая понять, что он руководит процессом.

Лидия ощутила себя, словно в наручниках. Она отдавалась этому заточению, ощущая себя гадко и безвольно, но в самой темной глубине своей души изнемогала от наслаждения своей беспомощностью.

Эдуард ещё сильнее прижал её к стене, одной рукой подхватил и отодвинул её бедро в сторону, едва прислоняясь своим телом.

Лидия не успела ощутить его томящуюся от возбуждения плоть через свои хлопчатобумажные трусы, как мужчина ловко взял её другое бедро и оторвал от земли, мгновенно бросая жену на стоящую в метре кровать.

Женщина неловко упала на спину, заелозив ногами. Ненадолго оставив жену относительно свободной, Эдуард навис над ней, стоя на краю кровати. Он дождался, пока жена замрет в замешательстве, и резко потянул её за ноги на себя.

Лидия барахталась и махала руками, её тело, словно слабая веточка, поволоклось к Эдуарду. Он яростно разорвал белье на женщине и откинул в сторону. Сорочка Лидии собралась в кучу под лопатками. Мужчине она уже порядком осточертела, и он не намерен был церемониться с пуговицами. Эдуард развел колени жены и одним движением заставил эти пуговицы горестно посыпаться на пол.

Лидия приподняла таз, чтобы наконец прикоснуться к нему, но он швырнул её обратно. Проведя рукой между острыми ребрами жены, взлетающими и опускающимися над впавшим животом, он собрал в ладони её небольшую грудь. Другой рукой он проверил её готовность к проникновению. Женщина прогнулась в пояснице от его прикосновений. Эдуард на секунду встретился холодным взглядом с женой. Это были глаза не её мужа. Чужие глаза. Ей стало страшно. Мужчина схватил её за шею, заглушая дыхание.

Эдуард резко вошел в неё, заставляя тело Лидии содрогнуться.

Женщина открыла рот, чтобы закричать, но звук застрял у неё в горле, сжимаемом тяжелой рукой мужа. Лидия изогнулась ещё сильнее, вставая на голову. Лицо её стало красным от напряжения, одним дыханием женщина вопила от боли и тягостного наслаждения.

Эдуард навис над ней безмолвной громадой, и, не соизмеряя внушительную величину и амплитуду поступательных движений в тело женщины, продолжал. Муж казался ей равнодушным, и Лидия страдала от его страстных, но ледяных прикосновений. Словно он желал кого-то другого, а не её.

Мужчина сделал ещё несколько не слишком плавных толчков, и начал ускоряться.

Лидия с трудом понимала, что с ней происходит. Казалось, это было не её тело, не её боль. Она не могла думать, почему это происходит. Есть ли в этом её воля?

Утонувший в процессе Ротенгоф чуть ослабил хватку на шее, и Лидия подняла голову на мужа и прохрипела:

– Хватит...

Но он не обратил внимания на её слова.

– Пожалуйста, Эдуард! — она застонала срывающимся голосом, умоляюще смотря на мужа.

Но мужчина смотрел в пустоту темного окна. Его лицо было наполнено болезненным напряжением. Эдуард был далеко от неё.

– Стой! Пожалуйста! — Лидии удалось слабо вскрикнуть.

Мужчина злобно нахмурился, даже не переводя на неё взгляд, закрыл её рот рукой, приближаясь к кульминации.

Каждую секунду резкое вхождение чуть дольше застревало внутри, распирая органы Лидии острой болью. Она не могла вздохнуть.

Эдуард вошел до конца и замер в теле женщины, оглушая её организм пульсацией. Болезненные, но приятные где-то в глубине сокращения откликнулись внизу живота Лидии.

Ротенгоф так же резко, как и вошел, покинул её, оставив после себя лишь теплый вязкий осадок его пребывания между ног Лидии, которая ещё несколько секунд жалко содрогалась в одиночестве.

Не взглянув на неё, Эдуард аккуратно переставил ногу и молча лег на свою половину кровати, повернувшись к мраку комнаты.

Слезы выступили на глазах Лидии и быстро упали на подушку, забирая часть боли с собой. Ей было противно от себя, она ненавидела Эдуарда и не понимала, почему он опять с ней так поступает, почему он использует её. Женщина всхлипывала в тишине, не в силах даже дотянуться до одеяла. Холод целовал её обнаженную кожу. Темнота скрывала следы немилосердных прикосновений Эдуарда.

Противоречивые чувства захлестывали Лидию, но она так устала. Женщина тихо всхлипывала, но вскоре рыдание в груди затихло, и она провалилась в глубокий, далекий от мира сон.

Оставалось всего пять метров, когда неожиданно все стало ослепительно ярким и громким, будто в уши стрельнули из пистолета.

Мир перестал издавать звуки. Дождь не капал, сосны не шумели, Роза не дышала в затылок. Эдуарду показалось это подозрительным. Боль сдавила грудную клетку, прокрадываясь в мозг через уши, будто он находился под водой. Вспышку света мужчина упустил, потому что в этот момент моргнул, но ощутил, как она безвозвратно изменила пространство.

Легкость на плечах и во всем теле. Розы не было. Задаваясь вопросом, где она, Эдуард увидел, что лысые сосновые ветки, за которые он держался, двигались слишком быстро. Они неслись вверх так стремительно, что превратились в траву. Легкие Эдуарда взорвались, больше он не мог дышать.

Трава перестала быть зеленой и стала серой. Серой была больше не трава. А что-то жесткое и шероховатое, сплошное, неподвижное. Сосновый лес очутился справа, а слева поле, впереди лежала упавшая сосна. Стекло ограждало Ротенгофа от этих природных объектов. Серое шероховатое слабо засветилось и оказалось панелью управления. Эдуард сидел внутри своего Лексуса.

Он слабо повертел головой, но всё оказалось на своем месте. Всё, кроме него. С усилием мужчина повернул голову вправо. Роза, силуэт которой был немного размыт, сидела рядом, закинув ноги на панель и покачивая головой в такт музыке. Эдуард услышал, что в машине играло радио. Что-то такое же невнятное, как и все вокруг. Медленное и туманное, как сон. Как алкогольное опьянение. Мужчина поморгал, но охватить взглядом всё пространство ему не удалось. Казалось, как только он концентрировался на каком-то одном объекте, все остальное растворялось в размытии и исчезало.

Пока Эдуард силился рассмотреть свои руки, он не замечал, что происходило вокруг. Когда, так и не справившись с поставленной задачей, мужчина поднял глаза, перед ним оказалось лицо Розы.

– Эдуард... — шептали её губы, и ничего не было кроме них. Пухлые, бледно-розовые, влажные. Ротенгоф тонул во впадинке середины нижней губы, блуждал в едва заметных вертикальных бороздках на нежной коже, которые в напряжении тянулись друг к другу и углублялись, когда она произносила «у» его имени. Как поцелуй.

Эдуард осознал, что больше не чувствует промозглый холод от мокрой земли, теперь его неизмеримо разжигало. Жар ударил в голову из-под воротника рубашки, а сидение и вовсе сейчас воспламенится под ним.

Дочь взяла его за подбородок и потянула к себе. Когда мужчина почувствовал её дыхание на своем лице, он понял, что не может сопротивляться происходящему. Или не хочет. Роза прикоснулась большим пальцем к его губам, задумчиво приоткрытым, и, нажимая, отстранила от себя.

«Пожалуйста, хватит меня мучить... Если ты хочешь, давай сделаем это...» — Эдуард не понимал, проносилось ли это у него в голове или шептали губы.

Роза прищурила глаза в хитром соблазнении. Одно четкое неуловимое движение, и её колени упираются в сидение по обеим сторонам от мужчины. Девушка молчаливо возвышалась над ним, но не касаясь. Эдуард смотрел на её таз всего в нескольких сантиметрах от его тела. Застежка на её джинсах такая неявная, не постижимая. Ему с ней не справиться.

Мужчина одновременно положил руки на бедра Розы и, сжимая, повел вверх. Он чувствовал её тело. Оно мягкое, подвижное, живое.

Она не как те сосны, вдалеке, от которых даже тени не осталось. Она здесь прямо перед ним. Настоящая. Так близко. Так неправильно близко.

Роза положила руки ему на плечи, покачиваясь в такт движениям ладоней Эдуарда.

Возникшие неровности брюк выдавали тягостное желание. Не было смысла больше скрывать.

Между ним и Розой оставалось все меньше места. Все вокруг смешалось во что-то однородное, незаметное. Эдуард не мог сказать, где они находятся, в его машине или нет. Впрочем, он об этом и не думал. Невозможно было об этом думать.

Девушка запустила пальцы в волосы Ротенгофа, мягко массируя ногтями кожу, от чего у него по спине пробежали мурашки. Она запрокинула его голову, наклоняясь над лицом.

Роза смотрела ему в глаза. Влажная сталь пронизывала тело мужчины насквозь своими электрическими импульсами. Все внутри у Эдуарда безмолвно содрогалось от мощных энергетических разрядов.

Во рту он ощущал её дыхание, но не смел ответить на неосязаемый сухой поцелуй.

Легким касанием языка она оставила тёплую влажность на его верхней губе.

В изнеможении Эдуард потянул вниз её бедра. С томительной медлительностью она подавалась.

— Остановись сейчас... — шепот вырвался в потоке сбивчивого дыхания Эдуарда, — мы перейдем грань...

— Ох, Эдуард... Грань в твоей голове, — мужчина чувствовал теплоту движений её губ у самого уха.

Роза отстранилась от Ротенгофа, кладя руки ему на плечи, брови в напряжении нахмурились, девушка поднесла к его щеке ладонь и начала тихонько постукивать. Эдуард отвел шею назад в непонимании. Подбородок Розы начал белеть, и после ещё одного моргания мужчины седая борода стала прокрадываться сквозь её кожу. Темные длинные волосы начали укорачиваться и светлеть, а на лице стремительно появляться морщины.

Доктор Стурлссон бьет Эдуарда по щеке на фоне серого неба. Дождь капает в самые глаза. Трава сбоку зеленая, а сосновый лес сходится над головой у Корнелия.

— Господин, Ротенгоф! Очнитесь, прошу вас! — лепечет врач и продолжает хлопать ладонью по щеке мужчины.

Роза появляется из вышины. Её появление отодвигает доктора Стурлссона. Она стремительно и молчаливо берет лицо отца в свои ладони.

— Эдуард! — серьезно произносит она хмурясь.

— Эдуард... — шепот губ у его лица в свете мрачных облаков сквозь стекла автомобиля.

Она расслабляет бедра, и руки мужчины тянут её в бездну.

Звуки тонут в шуме звезд. Оглушительный взрыв темной материи сознания Эдуарда. Мучительно-сладостные удары тока в самой сильной точке соприкосновения. Его атомы

мчатся в бесконечной пустоте. Энергетические потоки сливаются воедино. И меняются. Меняются. Поглощают друг друга до конца, отдавая себя без остатка. Он не видит, но чувствует.

Мерцающие потоки соединяются, образуя неявные очертания Розы. Она сгорает на губах Эдуарда. Медленно открывает глаза и рассыпается на что-то пугающе неоднородное. Звездная пыль её пальцев оставляет легкое касание на его скуле, прежде чем окончательно исчезнуть. Поцелуй сверхновой на коже, он обжигает и заставляет открыть глаза.

– Эдуард... — темнота рассыпается сверкающими частицами.

Пальцы Розы касаются лица мужчины. Они не горят и не бьют током, но Ротенгоф вздрагивает в ужасе и отмахивается от её рук, стремясь прервать непостижимый всепоглощающий контакт. С обидой и непониманием Роза смотрит на него, сидя на соседнем сидении. Так далеко. Кажется, между ними холодная бесконечная пустота. Когда только что она была так близко.

Двигаясь вглубь,
Мы проскальзываем, не замечая
Собственного падения.
Двигаясь вглубь,
Мы направляемся
К пустоте, оставшейся позади.
Вглубь,
Вглубь,
Вглубь,
Вглубь,
Глубже и глубже, да!
The Avener feat Phoebe Killder — Fade out Lines

Роза лежала на столе, сжимая в руке три кренделя. Взгляд её и мысли были далеко от Эринтсвагена. Девушка так была увлечена мыслительным процессом, что не заметила, как в её руке остался только один.

Когда кренделей не осталось, Роза смогла соединить в голове слово сегодняшнего утра с некоторыми мультипотокowymi сообщениями в лесу. Молнии помогают ей постичь разложение частиц, так она лучше слышит сигналы блуждающих токов. Но они не говорят и не показывают. Они транслируют информационные потоки, непостижимые человеческому сознанию. Все и сразу. Невозможно отделить одно сообщение от другого. Поэтому, когда Роза вновь приобретает свою человеческую оболочку, в голове остается лишь ассоциативное слово: «Поглощение».

Сущность токов в поглощении. Они стремятся присвоить себе различные частицы и... эволюционировать? Возможно, ещё один пазл встал на свое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.